

На правах рукописи

Долгушин Дмитрий Владимирович

**В.А. ЖУКОВСКИЙ
И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ КУЛЬТУРА
ЕГО ВРЕМЕНИ**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» и федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Лебедева Ольга Борисовна

Официальные оппоненты:

Еремеев Александр Эммануилович, доктор филологических наук, профессор, Частное учреждение образовательная организация высшего образования «Омская гуманитарная академия», ректор; кафедра филологии, журналистики и массовых коммуникаций, профессор

Алексеев Павел Викторович, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Горно-Алтайский государственный университет», кафедра русского языка и литературы, профессор

Анисимова Евгения Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет», кафедра журналистики и литературоведения, доцент

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук

Защита состоится 18 сентября 2019 г. в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/DolgushinDV18092019.html>

Автореферат разослан « ____ » августа 2019 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Филь Юлия Вадимовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Разносторонняя деятельность В.А. Жуковского занимает чрезвычайно значимое место в истории русской культуры первой половины XIX в. Поэт, положивший начало русскому романтизму, гениальный переводчик, открывший отечественному читателю культурные миры немецкой, французской, английской, испанской словесности, «учитель и воспитатель целого поколения русской литературы»¹, наставник наследника престола, талантливый художник-график, журналист, педагог, литературный критик, публицист и философ, увлекательный собеседник, состоявший в переписке едва ли не со всеми главными деятелями русской культуры своего времени, безотказный ходатай перед властью предержащими за тех, кто обращался к нему за поддержкой, «самый добрый человек русской литературы»², он не нуждается в особых представлениях. Общеизвестно и общепризнано, что Жуковский оказал громадное влияние на литературный процесс и общественную жизнь России александровского и николаевского царствования. Но одно из направлений деятельности Жуковского до сих пор остается малоизученным – это его религиозные искания.

Нельзя сказать, что религиозность первого русского романтика никогда не привлекала внимания исследователей – ее просто невозможно не заметить, ведь уже «с первых шагов своего творчества Жуковский заявил о себе как поэт, верующий в Бога»³. Таким он оставался и на протяжении всей жизни. С ранних юношеских опытов и до строк, написанных незадолго до смерти, Жуковский постоянно размышлял о вере. Во все это время религиозные взгляды поэта не оставались неизменными. Жуковский проделал духовный путь, подчас весьма драматичный. Однако перипетии этого пути оказались скрыты от глаз современников, во-первых, потому что запечатлелись не столько в художественных и публицистических текстах, сколько в дневнике, записных книжках и переписке; во-вторых, потому что сам склад личности Жуковского, «существа утешительного и святого» (П.А. Плетнев), воспетый Ф.И. Тютчевым «строй» его души, производили на окружающих впечатление неизменной гармонии и не допускали мысли о внутренних драмах. От современников такое восприятие перешло к потомкам, и в исследовательской литературе XIX – XX вв. религиозность Жуковского чаще всего характеризовалась обобщенно-неопределенно: то он предстал в упрощенном образе «поэта-христианина»⁴ (Л. Сиземский), то в не менее упрощенном образе сентименталиста⁵ (А.Н. Веселовский) или романтика⁶ (Г.А. Гуковский), религиозные взгляды которого являются лишь псевдоморфозой поэтики его творчества.

На серьезную источниковедческую основу вопрос о религиозном мировоззрении

¹ Канунова Ф.З., Янушкевич А.С. В.А. Жуковский в современном мире (итоги и перспективы изучения наследия поэта в Томском гос. университете) // Вестник ТГУ. 1998. Т. 266. С. 49.

² Выражение Ю.М. Лотмана: Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 2005. С. 39.

³ Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е годы). Новосибирск, 2001. С. 122.

⁴ Сиземский Л. Поэт-христианин В. А. Жуковский // Странник. 1902. Т. 1. Ч. 2. С. 712–739; Ч. 3. С. 944–971.

⁵ Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения. СПб., 1904.

⁶ Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М., 1965.

Жуковского был поставлен лишь в самое последнее время (это стало возможным благодаря введению в научный оборот материалов библиотеки поэта и систематическому обследованию его архива в ходе подготовки Полного собрания сочинений и писем Жуковского⁷). В результате, изучение религиозных исканий поэта сделалось одним из самых актуальных направлений исследования его жизни и творчества⁸.

Методология диссертационного исследования учитывает опыт дискуссий вокруг темы «религия и литература», развернувшихся в 1990-х – 2000-х гг.⁹ Существенно важными для данной работы стали также методологические подходы, апробированные такими исследователями, как Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, В.М. Жирмунский (ранние его работы), Ю.М. Лотман, Л.Я. Гинзбург, Г.В. Флоровский.

Религиозность рассматривается в исследовании не как функция текста, а как экзистенциальный опыт личности, создающей текст; не как вовлеченность литератора в конфессионально-доктринальную проблематику или в определенный уклад повседневной жизни, но как экзистенциальный центр личности. К сфере религиозного должен быть отнесен, таким образом, всякий опыт трансцендирования, если понимать этот термин в значении К. Ясперса, считавшего, что «человек не способен просто быть налицо, он должен, трансцендируя, восходить или, утрачивая трансценденцию, опускаться»¹⁰.

Подобного рода опыт влияет на творческое воображение Жуковского постоянно, от 1800-х до 1840-х годов, и придает биографии первого русского романтика ту системность, которая довлеет над привходящими обстоятельствами. При этом нужно учитывать, что реализуется он в интеллектуальном пространстве, сформированном взаимодействием различных религиозно-философских и богословских традиций, с которыми Жуковскому довелось соприкоснуться в разные периоды жизни.

Можно сказать, что религиозный опыт и религиозная философия Жуковского складывались в ситуации «фронта». Влияние православной традиции, которую сам поэт в 1840-х гг. хотел сделать для себя магистральной, сочеталось с воздействием идей лютеранской теологии, католической мистики квиетизма, французского фидеизма, англоязычной духовно-назидательной литературы эпохи «великого пробуждения», ряда глубоко усвоенных первым русским романтиком платонических интуиций, а также руссоизма и традиций новиковского масонства, оказавших на него влияние в юности. Для того, чтобы уяснить своеобразие религиозного пути Жуковского, необходимо изучить его в контексте всех этих течений, или, проще говоря, – в контексте религиозно-философской культуры России первой половины XIX в.

⁷ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах. Т. 1 –15. М., 1999–2018. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте. Римскими цифрами при этом обозначаются номера томов, арабскими – номера полутомов и страниц.

⁸ Канунова Ф.З., Янушкевич А.С. В.А. Жуковский в современном мире. С. 48.

⁹ Подробнее см.: Долгушин Д.В. Религиозная интерпретация русской классической литературы: между доктринологией и персонологией // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. № 44. Spring. С. 322–329.

¹⁰ Ясперс К. Философия. Кн. 1: Философское ориентирование в мире. / Пер. А.К. Судакова. М., 2012. С. 60.

(под религиозно-философской культурой в исследовании понимается набор характерных для данной эпохи вариантов религиозно-философской рефлексии).

Исходя из данных методологических посылок, диссертация получила следующую структуру: две ее главы (первая и третья) посвящены изучению тех этапов жизненного пути Жуковского, когда он испытывал наиболее сильные религиозные влияния извне (в 1796 – 1800 гг. в Московском благородном пансионе, где будущий поэт оказался в среде, сформированной воздействием розенкрейцерства, и в 1840-х гг. в собственном семействе, где он соприкоснулся с традициями пиетистского благочестия). Вторая глава посвящена изучению творческого пути Жуковского в аспекте биографической «связности»¹¹, исследованию его жизненной философии в четырех ее изводах – философии «милого вместе», «философии фонаря», «философии Лалла Рук» и «христианской философии». Четвертая глава посвящена изучению религиозно-философских и богословских проектов Жуковского 1840-х гг.: перевода Нового Завета, сборника религиозно-философской прозы, опытов религиозной педагогики.

Цель исследования состоит в изучении религиозного пути В.А. Жуковского в контексте истории религиозно-философских исканий русского образованного общества первой половины XIX в., а также богословского диалога России и Запада этого времени. Для достижения этой цели в ходе исследования решаются следующие **задачи**:

- реконструируется религиозная философия В.А. Жуковского на разных этапах его биографии;
- изучаются опыты сентиментально-романтического жизнестроительства В.А. Жуковского и их религиозные коннотации;
- определяются религиозные и философские влияния, испытанные им в разные периоды жизни;
- анализируется круг религиозного чтения В.А. Жуковского;
- исследуется его религиозно-философская проза;
- реконструируется история творческих замыслов В.А. Жуковского, связанных с религиозной тематикой (перевод Нового Завета, издание тома религиозно-философской прозы, создание Живописной Священной истории);
- осуществляется анализ религиозных сюжетов, мотивов, реминисценций в художественных текстах В.А. Жуковского, в его эпистолярной и дневниковой прозе;
- исследуется влияние религиозно-философских исканий Жуковского на жанрово-стилистическое своеобразие его литературного творчества;
- уточняется представление о периодах религиозного и творческого пути В.А. Жуковского.

Объектом исследования является жизнь и литературное творчество В.А. Жуковского, в

¹¹ Термин В. Дильтея. См.: Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (методология анализа в социогуманитарном знании). Одесса, 2008 (раздел 2.4 «Связность (Zusammenhang): смысловой центр концепции В. Дильтея в биографической перспективе»).

силу особого влияния, оказанного им на русскую культуру, представляющие интерес не только как пример частной биографии, но и как проявление важных процессов и тенденций общеисторического масштаба.

Предметом исследования является история религиозно-философских взглядов и духовной жизни В.А. Жуковского в ее взаимодействии с литературной эволюцией его творчества.

В ходе исследования были использованы **методы**: 1) генетический, который позволил исследовать историю религиозно-философских взглядов и духовной жизни В.А. Жуковского в динамике их становления и развития, в многообразии связей с эпохой; 2) системный (структурный), который позволил выявить в религиозно-философских взглядах В.А. Жуковского и его духовных исканиях устойчивую семиотическую структуру, задающую их идентичность и сохраняющуюся, несмотря на трансформации; 3) сравнительный (компаративный), который позволил проанализировать религиозно-философские взгляды и духовные искания В.А. Жуковского в соотнесенности с традициями русской и западноевропейской культуры.

Степень изученности проблемы. Традиции изучения религиозных взглядов В.А. Жуковского были заложены уже первым фундаментальным трудом о его жизни и творчестве – книгой К.К. Зейдлица¹². Она определила основную канву его биографического мифа, в котором доминантой, с легкой руки К.К. Зейдлица, стала история любви поэта к М.А. Протасовой, религиозные же взгляды оказывались локализованы в периферийной области исследовательского внимания.

Другие первые биографы Жуковского (П.А. Плетнев¹³, П. Загарин (Л. Поливанов)¹⁴) хотя и отмечали, а иногда даже подчеркивали религиозность поэта, но характеризовали ее общими словами, не детализируя и не исследуя специально его религиозных взглядов. Эта обобщенно декларируемая религиозность поэта стала одной из черт его канонического облика, сформированного во время юбилейных торжеств 1883 и 1902 гг. Ход этих торжеств и их влияние на формирование историографической традиции подробно исследовала Е.Е. Анисимова¹⁵. Как отмечает исследовательница, ключевой стратегией юбилейных торжеств 1883 г., особенно проявившейся при установке памятника В.А. Жуковскому в Александровском саду Санкт-Петербурга в 1887 г., «стала сакрализация именно фигуры Жуковского-учителя».

¹² Книга Зейдлица сначала вышла в журнальном, сокращенном по настоянию А.А. Котляревского, варианте: Зейдлиц К.К. Очерк поэтической деятельности В.А. Жуковского // Журнал министерства народного просвещения 1869. Кн. 4–6. В следующем году Зейдлиц выпустил ее полную версию на немецком языке: Seidlitz C., von. Wasily Andrejewitsch Joukoffsky: ein Russisches Dichterleben. Mitau, 1870. К юбилею поэта К.К. Зейдлиц выпустил русское издание книги: Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. СПб, 1883.

¹³ Плетнев П.А. Василий Андреевич Жуковский; О жизни и сочинениях В.А. Жуковского // Сочинения и переписка П.А. Плетнева. Т. III. СПб., 1885. С. 1–59; 60–148.

¹⁴ Загарин П. В.А. Жуковский и его произведения. М., 1883.

¹⁵ Анисимова Е.Е. В. А. Жуковский между двух юбилеев (1883–1902). Статья 1. Время юбилеев, пространство власти, механизмы конструирования поэтической биографии. // Вестник ТГУ. Сер.: Филология 2013. № 4. С. 71–89; Анисимова Е.Е. В.А. Жуковский между двух юбилеев (1883–1902). Статья 2. Торжества 1902 г.: совмещение юбилеев, стратегии автоканонизации. // Вестник ТГУ. Сер.: Филология 2013. № 6. С. 53–60; Анисимова Е.Е. Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. Красноярск, 2016. С. 40–73.

В общественном сознании Жуковский воспринимался, прежде всего, как наставник царя-освободителя, и лишь во вторую очередь как русский поэт-романтик. В многочисленных популярных книгах о Жуковском религиозность трактовалась как неотъемлемая черта его облика, но, описываясь максимально обобщенно, превращалась в своего рода идеологический штамп, что затрудняло научную проблематизацию этой темы. Юбилей 1902 г., «сдвоенный» с юбилеем Н.В. Гоголя, казалось бы, должен был акцентировать религиозную тему в биографии Жуковского (по ее смежности с соответствующими исканиями Гоголя), но этого не произошло.

Если от «низового», «популярного», регистра обратиться к «высокому», представленному штудиями деятелей русского Серебряного века, то и здесь обнаруживается роковая для посмертной судьбы Жуковского ситуация господства биографического штампа. Жизненный путь Жуковского оказывался для Серебряного века зеркалом, глядя в которое, он видел самого себя. В статьях о Жуковском, написанных А.А. Блоком, И. Эйгесом, Жуковский представал религиозным поэтом, предшественником символизма, но религиозность его характеризовалась предельно обобщенно, а следовательно, бессодержательно: «Главная ценность религиозных размышлений Жуковского зиждется на верности избранного пути и чистоте его религиозных переживаний; ни одно сомнение не колеблет ровной глади его широкой волной льющейся религиозной настроенности»¹⁶.

Писал о религиозности Жуковского А.Н. Веселовский¹⁷, однако он относился к религиозным исканиям Жуковского скептически, рассматривая их как своего рода духовный эскапизм, вызванный желанием укрыться от поднятых эпохой социальных проблем. В целом можно сказать, что, хотя Серебряный век и открыл ряд русских писателей (Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, А.И. Герцена) с религиозной стороны, Жуковский в этом отношении остался ему почти неизвестен.

После революции систематическое исследование религиозных взглядов Жуковского стало по идеологическим причинам невозможным. Исследователи были вынуждены либо «сглаживать» эту тему, либо замалчивать ее вообще. Положение изменилось в 1990-е годы, когда сложилось несколько направлений ее изучения.

Одно из них представлено, прежде всего, трудами Ф.З. Кануновой, первой указавшей на необходимость изучения данной проблематики в общем контексте нравственно-философских исканий русского романтизма 1830 — 1840-х годов¹⁸. Изучению религиозных тем творчества Жуковского посвящена значительная часть монографии Ф.З. Кануновой и И.А. Айзиковой¹⁹. В поле исследовательского внимания Ф.З. Кануновой оказались такие проблемы, как соотношение

¹⁶ Эйгес И. В.А. Жуковский // София. Журнал искусства и литературы 1914. № 4. С. 64.

¹⁷ Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения. СПб., 1904.

¹⁸ Канунова Ф.З. Художественное и религиозное сознание в эстетике Жуковского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX вв. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. С. 159–170; Канунова Ф.З. Нравственно-философские искания русского романтизма (30–40-е годы) и религия (к постановке проблемы) // Русская литература и религия. Новосибирск, 1997. С. 63–85.

¹⁹ Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е годы). Новосибирск, 2001.

религиозного и эстетического в творческом сознании В.А. Жуковского, поэтика поэмы «Странствующий жид», влияние взглядов Жуковского на религиозную философию Г.С. Батенькова. И.А. Айзикова в своих работах о прозе В.А. Жуковского исследовала его религиозно-философские статьи и отрывки. Ею были введены в оборот ранее неизвестные тексты Жуковского религиозного содержания (например, «Библейские повести»), изучена тема Палестины в творчестве Жуковского²⁰.

Ф.З. Кануновой в 2002 г. было инициировано систематическое исследование истории создания и публикации Нового Завета в переводе В.А. Жуковского (первой современной работой на эту тему была публикация Ю.М. Прозорова 1994 г.²¹). В 2008 г. Ф.З. Канунова, И.А. Айзикова и автор этих строк осуществили его научное издание²². Огромную роль в изучении перевода сыграла находка его автографа, обнаруженного в 2007 г. в составе коллекции Белевских-Жуковских, приобретенной Публичной библиотекой Нью-Йорка по инициативе Э. Касинца. Первое археографическое описание новонайденной рукописи сделала И.В. Рейфман²³.

Оригинальную концепцию духовного пути Жуковского предложил И.Ю. Веницкий, исследовавший центральную для Жуковского тему меланхолии, а затем реконструировавший западный религиозно-философский и политический контекст поэзии и поздней прозы Жуковского²⁴. К этому же кругу работ примыкают исследования А.Л. Зорина, рассматривающего творчество молодого Жуковского в контексте религиозной идеологии Священного союза²⁵ и О.Н. Проскурина, проанализировавшего религиозные мотивы «арзамасской галиматии»²⁶. В своих последних исследованиях И.Ю. Веницкий и А.Л. Зорин применили к жуковсковедческим сюжетам методологические подходы, апробированные в рамках успешно развивающейся в западной гуманитаристике «истории эмоций» (the emotional history, the history of emotions)²⁷.

²⁰ Айзикова И.А. Евангельские идеи, мотивы, образы в «святой прозе» В. А. Жуковского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 2008. С. 168–197; Айзикова И.А. Образ Палестины в творчестве В.А. Жуковского (статья первая) // Вестник ТГУ. Сер.: Филология. 2015. № 5. С. 124–144; Айзикова И.А. Образ Палестины в творчестве В.А. Жуковского (статья вторая) // Вестник ТГУ. Сер.: Филология. 2016. № 2. С. 94–108.

²¹ Из рукописного наследия В.А. Жуковского: переводы фрагментов Священного Писания. Публ. и предисл. Ю.М. Прозорова // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 128–157.

²² Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского. / Ред. коллектив: Ф.З. Канунова (гл. редактор), И.А. Айзикова (подгот. текста и приложений), свящ. Д. Долгушин (подгот. текста, приложений и коммент.). СПб., 2008.

²³ Рейфман И.В. Автограф Нового Завета в русском переводе В.А. Жуковского: история создания и публикации // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского. СПб., 2008. С. 448–458.

²⁴ Веницкий И. Дом толкователя. Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М., 2006.

²⁵ Зорин А. Послание «Императору Александру» В.А. Жуковского и идеология Священного Союза // НЛЮ. 1998, № 32 (4), с. 112–131; Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и гос. идеология в России в послед. трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2001.

²⁶ Проскурин О. Новый Арзамас — Новый Иерусалим // Новое лит. обозрение. 1996, № 19.

²⁷ Vinitzky I. Vasily Zhukovsk's Romanticism and the Emotional History of Russia. Evanstone, 2015; Зорин А. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016.

Темы, связанные с религиозностью Жуковского, затрагивались Л.Н. Киселевой (в связи с поэмой «Странствующий жид»²⁸), Е. Ляминой и Н. Самовер (в связи с отношениями поэта с великой княгиней Александрой Федоровной²⁹), Т. Гузаировым (в связи с политической и исторической философией Жуковского 1840-х гг.³⁰).

Важное значение для данной темы имеют работы Н.Е. Никоновой и К.И. Дубовенко, исследовавших влияние на Жуковского немецкой духовно-назидательной литературы. Н.Е. Никонова ввела в научный оборот пометки в книге Дрезеке «Вера, надежда, любовь», сделанные в ходе совместного ее чтения В.А. Жуковским и М.А. Протасовой³¹, изучила историю отношений Жуковского с И. Радовицем, который был не только близким другом русского поэта, но и оригинальным богословом, а также место, которое занимала немецкая духовно-назидательная литература в круге чтения Жуковского 1840-х гг.³² Штудии в этом направлении были продолжены К.И. Дубовенко, которая выявила и изучила выписки, сделанные В.А. Жуковским в 1840-х гг. из книг И. Таулера, А. Айзенменгера, Ю. Мартина, А. Нимейера, И. Хайрота³³. Результаты этих исследований Н.Е. Никоновой и К.В. Дубовенко были положены в основу недавно вышедшей книги, представляющей собой обширный свод немецких сочинений Жуковского и его автопереводов на немецкий язык³⁴.

Фундаментально важной для формирования источниковой базы по теме стала публикаторская деятельность О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича, подготовивших к научному изданию дневники Жуковского и разработавших методологические принципы их анализа³⁵ (А.С. Янушкевич также посвятил несколько специальных работ религиозно-философским темам творческой биографии Жуковского³⁶).

Но, несмотря на наличие перечисленных выше работ, систематическое и всестороннее исследование религиозного пути Жуковского до сих пор не предпринято.

²⁸ Киселева Л. «Агасвер, или Странствующий жид» как духовная автобиография В.А. Жуковского // *Varietas et concordia. Essays in Honour of Pekka Pesonen*. Helsinki, 2007. P. 349–361

²⁹ Лямина Е., Самовер Н. Религиозное в эпоху поэтических манифестов: «Теснятся все к тебе во храм...» В. А. Жуковского // Пушкинские чтения в Тарту 3. Тарту, 2004. С. 99–111; Лямина Е., Самовер Н. Жуковский и великая княгиня Александра Федоровна: к вопросу о конструировании образа // Пермский сборник. М., 2010. С. 144–158.

³⁰ Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007.

³¹ Никонова Н.Б. Книга как многомерное пространство коммуникации: «Вера, любовь, надежда» И.Г.Б. Дрезеке в восприятии В.А. Жуковского // Вестник ТГУ. Сер.: Филология. 2011. № 3. С. 113–125.

³² См.: Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия перв. пол. XIX в. Томск, 2012; Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир : дисс. ... д. филол. н. : 10.01.01. Томск, 2013.

³³ Дубовенко К.И. В.А. Жуковский и западная духовно-назидательная словесность : дисс. ... к. филол. н. Томск. 2017.

³⁴ Собрание немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского / *Gesammelte deutsche Werke und Selbstübersetzungen von V.A. Žukovskij* / Подготовка текстов, комментариев и приложений: Н.Е. Никонова (гл. редактор), П.А. Ковалев, К.И. Дубовенко, Е.А. Вишнякова. Томск, 2018.

³⁵ См.: Лебедева О.Б. Принципы романтического жизнетворчества в дневниках В.А. Жуковского // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13. / Под ред. О.Б. Лебедевой, А.С. Янушкевича. М., 2004. С. 420–442.

³⁶ Янушкевич А.С. «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В.А. Жуковский – М.Ю. Лермонтов – Ф.И. Тютчев) // Жуковский и время. Томск, 2007. С. 133–161; Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и масонство // Масонство и русская литература XVIII – нач. XIX вв. М., 2000. С. 179–192.

Новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые представлен комплексный очерк религиозного пути Жуковского; проанализировано влияние религиозных исканий на его литературную, придворную и педагогическую деятельность; выявлено воздействие на Жуковского традиций французского фидеизма; изучен религиозный уклад жизни семейства Жуковских в 1840-е гг.; обобщены и уточнены сведения о религиозном воспитании Жуковского в детстве и ранней юности; введены в научный оборот новые исторические источники: подчеркивания и маргиналии поэта в книгах Л. Рюккерта, Л. Ботена, А.С. Стурдзы, Ф. Шаля и др. богословских и философских авторов, составленные Жуковским материалы к Живописной Священной истории, не публиковавшиеся ранее мемуары о преподавательской деятельности и кончине Жуковского; исследована история создания и публикации перевода Нового Завета.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней апробированы методологические подходы, которые можно использовать не только для изучения религиозно-философских исканий Жуковского, но и при исследовании темы «русская литература и религия» в целом.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы при разработке учебных курсов и учебных пособий по истории русской литературы, истории религиозно-философской мысли и русской культуры. Они также могут быть использованы для комментирования произведений Жуковского при их публикации.

Материал исследования разнообразен и включает в себя тексты Жуковского, которые можно разделить на следующие группы: 1) художественные произведения; 2) религиозно-философские и публицистические статьи; 3) дневники; 3) переписка; 4) пометки и записи в книгах; 5) семейные записи хозяйственного и делового характера (распорядок дня, схемы домашней обстановки и т. д.); 6) учебно-методические пособия для преподавания Священной истории и Закона Божия; 7) рисунки из семейного альбома.

Наряду с опубликованными использовались и неопубликованные материалы, хранящиеся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), Пушкинском доме (Санкт-Петербург), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), Российской государственной библиотеке (Москва), Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва), Государственном архиве Российской Федерации (Москва), Научной библиотеке Томского государственного университета, Публичной библиотеке г. Нью-Йорка – всего 102 единицы архивного хранения и 46 книг из библиотеки Жуковского.

Достоверность научных результатов исследования определяется выверенностью его методологической базы (описанной выше), разнообразием и репрезентативностью корпуса источников, анализ которых осуществлялся с опорой на имеющуюся научную традицию, а также комплексностью исследования, в котором, при необходимости, использовались элементы не только филологического, но и исторического, и богословского анализа.

Апробация результатов. Основные результаты были представлены в докладах на следующих конференциях: XXXVIII Международная филологическая конференция (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2009 г.); международная конференция «Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе» (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, 2011 г.), всероссийская конференция «Русская литература в литургическом контексте» (КемГУ, Кемерово, 2011 г.), международная конференция «Русская классическая литература сегодня: испытания / вызовы мессианизма и массовой культуры» (Институт литературы БАН, София, Болгария, 2013 г.), международная конференция VI Лотмановские чтения «*Biographia sub specie semioticae*» (Таллиннский университет, Таллинн, Эстония, 2014 г.); всероссийская с международным участием конференция «Сюжетология / сюжетография» (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, 2014 г.); международная конференция «Классика и канон в русской литературе. Юбилей» (Софийский университет св. Климента Охридского, София, Болгария, 2014 г.); международная конференция «Литературоведческая русистика: самосознание, геокультурная вариабельность, границы профессии» (Институт литературы БАН, София, Болгария, 2015 г.); международная конференция VII Лотмановские дни «Семиотика власти: насилие и автономность» (Таллиннский университет, Таллинн, Эстония, 2015 г.); всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии» (Институт истории СО РАН, Новосибирск, 2015 г.); международная конференция «1917 год: Литератор и литературовед: инженер, свидетель, жертва исторического рубежа / социального слома» (Институт литературы БАН, София, Болгария, 2017 г.), международная конференция «Филология в XXI веке: слово, текст, коммуникация» (ТГУ, Томск, 2017 г.), International scientific interdisciplinary conference «Dynamics of religion in culture: interactions of identities and their expression» (Университет М. Ромериса, Вильнюс, Литва, 2017 г.), I Международная научная конференция «Культурный трансфер: история, общество, слово» (ТГУ, Томск, 2018 г.), международный научный семинар «Русско-сибирская франкофония» (ТГУ, Томск, 2015 г.), 47th Annual convention of Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (Филадельфия, США, 2015 г.) и др.

Результаты исследования обсуждались на кафедре русской и зарубежной литературы Томского гос. университета, кафедре истории и теории литературы Новосибирского гос. университета, кафедре истории Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Публикации по теме диссертации. По теме диссертации опубликовано 45 работ, в том числе 15 публикаций в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, 2 монографии (из них 1 в соавторстве), учебное пособие в двух частях (в соавторстве), статьи в отечественных и зарубежных журналах и сборниках научных трудов.

Кроме того, были подготовлены и опубликованы преамбулы и примечания к текстам в

Полном собрании сочинений и писем В.А. Жуковского (в томе 4 (к Первому и Второму стихотворным переложениям Апокалипсиса, к стихотворной повести «Египетская тма»), в первом полутоме тома 11 (к статьям «О смерти», «О молитве», «О внутренней христианской жизни» (в соавторстве), «Отрывкам» (в соавторстве), к конспекту по истории), а также было осуществлено редактирование второго полутома тома 11 (совместно с А.С. Янушкевичем).

Гранты по теме исследования. Диссертант выступал в качестве руководителя в грантах по теме исследования: РГНФ №08-04-16253д «В.А. Жуковский и И.В. Киреевский. Из истории религиозных исканий русского романтизма» (2008 г.), РГНФ №10-04-00510а «Религиозная литература в круге чтения В.А. Жуковского 1840-х годов (по материалам архива и библиотеки поэта)» (2010 г.), совместный грант РГНФ и Императорского православного палестинского общества №15-64-01001а «Палестина в литературном и педагогическом творчестве В.А. Жуковского» (2015–2017 гг.); в качестве исполнителя: РГНФ № 03-04-00251а «Новый Завет в исследованиях и переводе В. А. Жуковского» (2003–2005 гг.) (руководитель – Ф. З. Канунова).

Положения, выносимые на защиту.

1. Религиозная проблематика лежала в основе жизненной философии Жуковского, реализовывавшейся в череде четырех сменявших друг друга во времени вариантов: философии «милого вместе», «философии фонаря», «философии Лалла Рук», «христианской философии».

2. Сущность религиозной проблематики философии Жуковского заключалась в вопросе о возможности (или невозможности) трансцендирования земного в небесное.

3. Религиозная философия Жуковского на каждом из этапов своего развития выражалась не только в философских и публицистических текстах, но и в лирике, формируя устойчивую систему константных образов, сквозь призму которых в поэтическом воображении Жуковского интерпретировались конкретные жизненные обстоятельства и отношения с людьми.

4. Религиозная философия Жуковского складывалась на стыке разнообразных воздействий, из которых нужно выделить прежде всего православное духовное предание, квиетизм, пиетизм, движение «великого пробуждения» в англосаксонском мире, неоплатонизм и розенкрейцерство.

5. На религиозно-философскую мысль Жуковского 1840-х гг. оказал большое влияние французский фидеизм в лице Л. Ботена, которому поэт следовал в своих рассуждениях о вере и разуме.

6. Контекст комплекса религиозно-философских замыслов Жуковского конца 1840-х гг. (издание тома религиозно-философской прозы, переработка перевода Нового Завета, перевод на русский язык книги Р. Штира, а на немецкий – трактата А.С. Хомякова «Церковь одна») определялся стремлением Жуковского ввести христианство в «практическое употребление жизни», в чем он видел единственный способ спасения Европы и России от революции.

7. Как переводчик Священного Писания Жуковский стремится к соединению отечественной и западной традиции бытования библейского текста. В текстологическом

отношении его перевод Нового Завета опирается на церковнославянский текст Елизаветинской Библии, но учитывает и немецкий перевод Лютера, и французский перевод де Сасси.

8. Опыты религиозной педагогики Жуковского относятся и к периоду преподавания наследнику престола, и к периоду разработки курса первоначального обучения для своих детей. И в том, и в другом случае Жуковский стремился использовать передовые учебно-методические приемы своего времени – отстаиваемые Песталоцци и Дистервегом принципы наглядности, возрастосообразности и интерактивности в обучении.

Структура диссертации: работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы (909 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава посвящена теме **«Религиозные влияния на В.А. Жуковского в детские и юношеские годы»**.

Ее **первый параграф** – **«Религиозные традиции в семействе Буниных и их влияние на В.А. Жуковского»**. Он состоит из трех подразделов: *«Элементы православного уклада жизни в семействе Буниных»*, *«Обратная сторона “мишенской идиллии”»*, *«Чудесное и таинственное в семейных преданиях Буниных»*.

Для семейства Буниных, как и для большей части провинциальных дворянских семейств, было характерно причудливое переплетение европеизированных и патриархальных, тесно связанных с православным укладом, форм повседневности, что отражалось даже в организации усадебного пространства. В поместье Буниных Мишенское был хорошо слышен колокольный звон белёвских храмов и монастырей. С холма, на котором стоял барский дом, был виден находящийся к северу от Мишенского Жабынский монастырь. Поблизости от барского дома, ниже по склону холма, был расположен каменный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы (с приделом во имя Свт. Николая Чудотворца), построенный дедом и отцом В.А. Жуковского. К храму от барского дома вела специальная аллея. На службах звучало неплохое церковное пение, которым «тщательно занимался» крестный отец будущего поэта А.Г. Жуковский. Храм был богато украшен иконами. Местное предание конца XIX в. приписывало юному Жуковскому авторство двух образов мишенской церкви – храмовой иконы Свт. Николая в иконостасе никольского придела и иконы Благовещения Пресвятой Богородицы. Впечатления от храмового богослужения, архитектуры, икон, колокольного звона и другие, подобные им, были частью повседневной атмосферы, в которой прошло детство Жуковского. Систематическое обучение его христианской вере также, вероятно, имело место, однако никаких конкретных свидетельств об этом не сохранилось. Сам Жуковский позже отзывался об этом обучении критически: «то <...>, чему меня учили ребенком, не есть религия, но пустые слова без смысла и действия» (XIII: 19).

Как стало ясно благодаря исследованиям последних лет (особенно работам

О.Е. Глаголевой³⁷), «мишенская идиллия» имела и свою обратную сторону. Взрослые, окружавшие в детстве Жуковского, не всегда могли служить для мальчика вдохновляющим примером христианской жизни. Может быть, именно поэтому в юности Жуковский так тянулся к людям, отличавшимся, по его мнению, той строгой нравственностью, которой он подчас не находил у взрослых в своем детском окружении, – В.И. Киреевскому, И.В. Лопухину, Е.А. Протасовой.

На религиозное воспитание Жуковского не могли не оказывать влияние слышанные им в детстве семейные предания о разного рода чудесах и необычных случаях, происходивших в родственном кругу Буниных. Подобные происшествия во множестве описаны в семейных хрониках Е.И. Елагиной и М.В. Беэр. Часть из них связана с молитвенным заступничеством православных святых. Так, тетюшка Жуковского П.И. Бунина после молитвы у мощей Свт. Димитрия Ростовского исцелилась от слепоты, а Протасовы связывали благополучие своих детей с молитвами Свт. Иоасафа Белгородского. Еще чаще в хрониках встречаются описания не чудес, а таинственных событий, например, случаев, связанных с явлением умерших. Рассказы о таких происшествиях, несомненно, пробуждали в Жуковском интерес к сфере чудесного и таинственного.

Второй параграф первой главы – «**Религиозные традиции в Московском благородном университетском пансионе и их влияние на В.А. Жуковского**». Он состоит из трех подразделов: «*Элементы православного уклада жизни в пансионе*», «*Розенкрейцерские традиции в пансионе: доктринальные особенности и этос*», «*Влияние розенкрейцера на В.А. Жуковского в пансионские годы*».

Годы учения в Московском Благородном пансионе стали важным этапом религиозной биографии Жуковского. Здесь поэт впервые оказался в среде, в которой вопросы веры находились не на периферии, а в самом центре внимания.

Вскоре после своего создания в 1779 г. пансион оказался в сфере влияния кружка московских розенкрейцеров, однако неправильным было бы считать, что на жизнь в нем оказывали воздействие только масонские традиции. Как и в большинстве школ Российской империи, распорядок дня в пансионе во многом определялся православным укладом. Утром и вечером пансионеры собирались в столовую на чтение молитвенного правила. После утренних молитв они выслушивали отрывок из Священного Писания, а после вечерних – «духовное чтение» (для этого использовались отрывки из сочинений К.Х. Штурма, И.Ф. Тиде и Р. Додсли, изданных Типографической компанией). Чтецами Священного Писания могли быть только отличники, к числу которых относился и Жуковский – так что можно предположить, что уже на первом году обучения ему неоднократно доводилось читать вслух отрывки из Библии на утреннем правиле. После того, как в 1798 г. Жуковский сделался первым учеником пансиона, в

³⁷ Глаголева О.Е. Дела семейные: помещики Бунины, отец и дед В.А. Жуковского // Жуковский: исследования и материалы / гл. ред. А.С. Янушкевич. Томск: ТГУ, 2017. С. 9–43; Glagoleva O.E. Dream and Reality of Russian Provincial Young Ladies, 1700–1850. Pittsburgh, 2000. P. 36–37.

его обязанности стало входить распределение этих чтений и молитв между пансионерами. Несомненно, возложенная на Жуковского обязанность организовывать чтение молитв и отрывков из духовной литературы способствовала тому, чтобы он относился к этим текстам с особенным вниманием. Каждый год на Страстной седмице пансионеры говели и причащались. Устав о постах в пансионе выполнялся хоть и не полностью, но в достаточно высокой для столичной дворянской среды степени. Таким образом, в повседневной жизни пансиона ощутимо присутствовали многие элементы православного уклада.

Чтобы определить, как влияли на пансионскую жизнь розенкрейцерские традиции, нужно иметь в виду, что учение московских розенкрейцеров, имело несколько истоков, (см. работы К.Ю. Бурмистрова, Ю.Е. Кондакова, В.В. Кучурина, А.И. Серкова, Р. Фаджонатто, Ю.Л. Халтурина). Во-первых, это мартинизм, представлявший собой своеобразный синтез ренессансного неоплатонизма и испанской каббалы, осуществленный Мартинесом Паскуалисом и Сен-Мартеном. Во-вторых, это собственно учение Ордена злато-розового креста, соединившего традиции масонства, средневековых монашеских Орденов и религиозных братств с идеями розенкрейцерских алхимических манифестов XVII в. На эту основу, ставшую фундаментом русского розенкрейцерства, наслаивались последующие влияния – Я. Беме, Дж. Пордеджа, И. Таулера, И. Арндта, квиетистов (Ф. Фенелона, г-жи Гюйон), К. фон Эккарстгаузена и др. В результате, для московских розенкрейцеров оказались характерна эманативная метафизика, сглаживающая границы между тварной и нетварной реальностью, представление о душе как о «Божественной искре», «заточенной в материальное тело», а также практика изощренного самонаблюдения, культивировавшаяся внутри орденского «круга».

Наличие в сфере общения Жуковского в пансионские годы таких деятелей масонства, как И.П. Тургенев и И.В. Лопухин, а также А.А. Прокопович-Антонский, создавало, казалось бы, необходимые условия для розенкрейцерской индоктринации поэта. Но ее, по сути, не произошло, поскольку Прокопович-Антонский высоких степеней в ордене не занимал, а Тургенев и Лопухин в начале 1800-х гг. розенкрейцерским прозелитизмом почти не занимались. Темы, которые являлись центральными для адептов внутреннего ордена (алхимия, каббалистика, софиология и т.п.), были табуированы при их общении с профанами, а следовательно, не обсуждались в пансионе.

Зато пропедевтическая литература, предназначенная для «юниоратских» степеней розенкрейцерства, находила себе и в пансионе, и в семействе Тургеневых самое широкое применение. Речь идет о сочинениях И. Масона (Дж. Мейсона), И. Арндта, Фомы Кемпийского, Ф. Фенелона, М. де Молиноса и т.п. авторов. Будучи разнородными по содержанию, они объединялись настойчивым антирационалистическим акцентом и убежденностью в приоритете религиозного чувства над дискурсивно-спекулятивными практиками. Именно эта литература и оказывала воздействие на Жуковского. Значит ли это, что метафизическая сторона розенкрейцерства прошла совершенно мимо него? Ответ на этот вопрос должен быть подвергнут нюансировке. С одной стороны, ничто не указывает на знакомство Жуковского с сочинениями Я.

Беме, Дж. Пордеджа, Гаугвица, с каббалистическими или алхимическими трактатами, а также другими основополагающими для эзотерической стороны розенкрейцерства текстами. Ничто не указывает и на его интерес к ним.

Но в то же время в доме Тургеневых беседы на масонские темы, которые вели между собой И.В. Лопухин, И.П. Тургенев, М.И. Невзоров и другие участники т.н. «старшего тургеневского кружка», «происходили и в присутствии молодого поколения»³⁸. Постановка вопросов, понятия, некоторые термины, расхожие цитаты и самые способы рассуждения и ходы мысли – все этого могло усваиваться и без штудирования соответствующих сочинений, просто-напросто со слуха, «на ходу». В результате, может быть, и незаметно для самого Жуковского розенкрейцерство повлияло на его «фоновые знания» в религиозной области – не до конца вербализованные имплицитные представления, которые будут сопровождать его всю жизнь и от которых он будет находиться в зависимости, даже споря с ними. К их числу относится прежде всего убеждение в соприродности души и Божества и тесно связанное с ним представлением об эманативном происхождении мира. Существенно важным для Жуковского было и «пробуждение поэтического и метафизического чувства природы», которое, по выражению прот. Георгия Флоровского, произошло в розенкрейцерстве, а также усвоенный им от пансионских наставников идеал соединения душ в один тесный круг открытых друг другу соратников на поприще нравственного самосовершенствования.

Вторая глава посвящена теме **«Религиозная философия в жизни и поэзии В.А. Жуковского 1800-х – 1840-х годов»**. Ее **первый параграф – «От философии “милого вместе” к “философии фонаря”**». Он состоит из трех подразделов: *«Проблема счастья в творчестве В.А. Жуковского 1800-х годов»*, *«Религиозно-философские темы в истории отношений В.А. Жуковского и М.А. Протасовой»*, *«Религиозно-философские темы “философии фонаря”*».

Ключевой проблемой, во многом определившей ход религиозных исканий Жуковского в 1800-х гг., стала проблема «счастья». Она была темой доклада Жуковского в «Дружеском литературном обществе», предметом постоянных размышлений на страницах переписки и дневника, а также одним из лейтмотивов его ранней лирики. В решении этой проблемы Жуковский следует за Ж.-Ж. Руссо и Н.М. Карамзиным, в дальней же ретроспекции выработанная Жуковским теория опирается на античную концепцию «эвдемонии», прежде всего в эпикурейском ее изводе.

Жуковский считает, что «счастье» зависит не от внешних условий жизни, а от «внутреннего расположения души». Он понимает под «счастьем» некое сильное чувство, рождающееся от ощущения благодати человеческой природы, освобожденной разумом от неумеренных страстей, обнаружение божественной природы прекрасной души. По сути, «счастье» есть модус пребывания Бога на земле, и местом этого пребывания Жуковскому

³⁸ Истрин В.М. Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев // Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. СПб., 1911. С. 88.

видится не столько большой мир, сколько малый; не природа, а душа: «Счастье в нас, и божий свет / Нами лишь прекрасен» (I: 250), – напишет Жуковский в стихотворении «Светлане». «Я бы каждое прекрасное чувство назвал Богом» (XIII: 124), – утверждает он в своем дневнике 1817 г.

Человек должен воспитать себя к «счастью», в этом смысл его жизни. «Главное дело человека: приобрести способность быть счастливым», – подчеркивает Жуковский. Он указывает на четыре средства достижения «счастья»: *чувствительность, общество, деятельность, вера*. *Чувствительность* – это не только особый эмоциональный режим, но еще и обнаженность души, ее легкая сообщительность с той божественной первоосновой, которая составляет фундамент ее бытия. *Деятельность* – это «занятия приятные и постоянные», животворящие и возвышающие душу. *Общество* – это «малый круг», круг «согревателей души», без которого невозможно ее совершенствование, Жуковский называет этот круг «милым вместе» и часто соотносит его с раем. Но и *чувствительность*, и *деятельность*, и «*милое вместе*» не могут привести душу к совершенству без *веры*, поскольку врагом счастья является *судьба*, «безрассудный, злобный рок» («К***», 1804) (I: 61), образ которого в ранней лирике Жуковского переходит из стихотворения в стихотворение: «Судьба – невидимый, бесчувственный тиран, / Неборимая ко счастью преграда!» («Человек», 1801) (I: 50). Судьба несет «вихри бед», она – «грозная», «угрюмая» («Элегия», 1801) (I: 47), «безжалостная» («К ***», 1804) (I: 61), «неодолимая» («К Филалету», 1809) (I: 139).

Противоположной судьбе силой является *Провидение*. Оно, в отличие от судьбы, «премудро» («Человек», 1801) (I: 51), оно – «милостивое» («Стихи, сочиненные для альбома М.В.П.», 1808) (I: 122), «святое» (<М.А. Протасовой>, 1807) (I: 115) и ведет человека к блаженству («К К.М. С.<оковниной>», 1803) (I: 60). Судьба и Провидение не являются автономными и независимыми друг от друга силами. Они различаются у Жуковского не онтологически, а «оптически». Это – один и тот же ряд событий, которые видятся то как череда губительных ударов судьбы, то как этапы пути, по которому ведет душу Провидение, ее заботливый Воспитатель и Испытатель («К Плещееву», 1812). Оpoznать события как судьбу или как Провидение, зависит от наличия веры в бессмертие. Безверию повсюду мерещится страшилище судьбы, вера повсюду чувствует дыхание Промысла. Поэтому она является главным способом борьбы с судьбой, а следовательно, «вернейшим средством» достижения счастья.

Поскольку Жуковский придавал вере в Промысл столь важное эвдемоническое значение, неудивительно, что научение ей оказалась одним из центральных пунктов программы самовоспитания, которую он наметил на страницах своего дневника 1806 г. Размышления о Провидении привели Жуковского к необходимости разобраться в вопросе о соотношении человеческой свободы и божественного предопределения. В своих записях 1806 – 1808 гг. Жуковский старается решить эту проблему, опираясь на руссоистскую традицию. Он равновесно сочетает учение о Провидении с учением о человеческой свободе, но при этом акцентирует именно второй член этой дихотомии. Основываясь на данных теоретических взглядах,

Жуковский составил молитву для Марии и Александры Протасовых, в основу которой, как удалось выяснить, был положен текст из книги К. фон Эккарстгаузена «Gott ist die reinste Liebe. Mein Gebeth und meine Betrachtung» (Жуковский пользовался французским переводом³⁹). Сочинения Эккарстгаузена стали известны Жуковскому благодаря И.В. Лопухину, который в России был главным популяризатором идей немецкого мистика. Таким образом, дебют религиозной темы в отношениях Жуковского и М.А. Протасовой оказался связан с Лопухиным. С ним же была связана и ее кульминация, пришедшаяся на 1814 г., когда Жуковский решился обратиться к Лопухину за благословением на брак с Машей.

Именно тогда «вместе» с Машей в творческом воображении Жуковского приобрело ярко выраженные религиозные очертания. И для себя, и для Маши поэт считал необходимым изучать Священное Писание. В «синюю книгу», которая должна была стать их с Машей общим дневником за май 1814 г., Жуковский выписывает цитаты из Евангелия на церковнославянском языке. Каждый свой день, согласно составленному им расписанию, он начинает в 6 часов утра с «чтения Св. Писания и книг о религии» – в частности, известной немецкой книги Дрезеке «Любовь, творение, надежда», которую они штудируют вместе с Машей. В круг их общего чтения входит и стихотворение Фонтана «Библия», которое в 1814 г. Жуковский переводит на русский язык.

Брак с Машей теперь понимается Жуковским не просто как семейный союз. Поэт называет его «райским вместе», а в ключевом тексте 1812 г. (стихотворении «Пловец») прямо описывает образом рая. К числу «эдемских» метафор счастья этого времени относится и постоянно встречающийся в дерптских письмах-дневниках образ Кашмира, воспринимавшегося в Европе как полусказочная, блаженная страна, подобно раю находящаяся на востоке.

Крушение надежд на брак с М.А. Протасовой привело к трансформации жизненной философии Жуковского. Он обнаружил, что долговременное соединение небесного и земного невозможно, что счастье обречено быть «летающим», «потерянным». В раздумьях на эту тему Жуковский вырабатывает «философию фонаря», которую неоднократно формулирует в своих письмах и дневниках. Ход мысли Жуковского таков. Соприкосновение с божественным возможно только в редкие минуты озарения⁴⁰: «эти светлые минуты, в которые мы жили сердцем, созданным для прекрасного и великого, можно назвать минутами Божественного Откровения: в эти минуты Божество неотрицаемо» (XIII: 133). Такие мгновения мимолетны, но могут быть сохранены воспоминанием. Воспоминание спасает прошлое от уничтожения, придает ему существенность. Вечность – это «прошедшее, обратившееся в настоящее для будущего». Эти светлые минуты духовного наслаждения, сохраняемые воспоминанием, Жуковский называет «фонарями». Хотя они и не могут совершенно рассеять мрак жизни, но все

³⁹ Первое издание: Dieu est l'amour le plus pur. Ma Prière et ma Contemplation. Traduit de l'Allemand du Conseiller aulique d'Eckartshausen. Munich, 1791.

⁴⁰ «Фонарная» теория Жуковского напоминает учение о «местах времени» (spots of time) У. Вордсворта (об этом учении см.: Халтрин-Халтурина Е.В. Поэтика «озарений» в литературе английского романтизма: Романтические суждения о воображении и художественная практика. М., 2009. С. 41).

же озаряют его. Как «фонари, зажженные ночью на улице», «они разделены промежутками, но эти промежутки освещены; и вся улица светла, хотя не вся составлена из света» (XIII: 133).

Для артикуляции «философии фонаря» Жуковский использовал приемы эмблематической эстетики. В ее экспликациях можно обнаружить все три элемента традиционной барочной эмблемы: 1) *inscriptio* («надпись», «девиз», «символ» – короткое изречение); 2) *pictura* («рисунок», «изображение»); 3) *subscriptio* («подпись» – истолкование, объяснявшее связь между девизом и рисунком и выражавшее какую-либо моральную истину). В качестве рисунка в «философии фонаря» выступает экфрасис с описанием фонарей, горящих на темной улице. Он сопровождается истолковательной «подписью»-пояснением (ср., например, в альбоме С.А. Самойловой: «Наслаждение — фонарь, зажженный на дороге жизни; воспоминание — свет; а счастье — ряд этих прекрасных воспоминаний, которые всю жизнь озаряют» (XIII: 133)). В качестве девиза выступает строка из «Теона и Эсхина»: «Для сердца прошедшее вечно», которую Жуковский повторяет при изложении «философии фонаря» и в дерптских письмах-дневниках, и в альбоме С.А. Самойловой.

Второй параграф второй главы называется «От “философии фонаря” к “философии Лалла Рук”». Он состоит из трех подразделов: «“Философия невыразимого” и жизнестроительные стратегии В.А. Жуковского при дворе императрицы Марии Федоровны», «“Философия Лалла Рук” и жизнестроительные стратегии В.А. Жуковского при дворе великой княгини Александры Федоровны», «Тема судьбы в “философии Лалла Рук”».

В 1815 г. Жуковский был назначен домашним чтецом императрицы Марии Федоровны и таким образом вступил в придворную среду. В дворцы Петербурга, Москвы и Павловска он принес идеал «малого круга» чувствительных сердец, выработанный им в Муратове и Долбине. Как некогда торжественная ода была частью пышного ритуала «больших» дворов Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины Алексеевны, так, благодаря Жуковскому, элегии и домашние поэтические шутки стали частью жизни «малого двора» в Павловске.

Для темы исследования особенно важны элегии Жуковского (прежде всего «Славянка» (1815), «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской» (1819), «Невыразимое» (1819), «Цвет завета» (1819)), ставшие манифестами его поэтической философии, которую можно назвать «философией невыразимого», поскольку метафизической ее предпосылкой было романтическое двоemiрие — радикальное противопоставление небесного и земного, идеального и материального, уже обозначившееся в «философии фонаря». «Философия невыразимого» артикулировалась Жуковским на двух уровнях: 1) на уровне поэтического стиля; 2) на уровне поэтического образа. Что касается стилевого уровня, то здесь преобладает суггестивная поэтика, превращение слов в «ноты эмоциональных звучаний»⁴¹. На имагологическом уровне интуиции «философии невыразимого» воплощаются в образе таинственного существа, пребывающего на границе небесного и земного, — «посетителя», «гения», «ангела», небесного «гостя» и тайного «вождя», в минуты «озарений» появляющегося на земле и тут же покидающего ее. Этот образ

⁴¹ Жуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. С. 49.

занимает ключевое место в целом ряде стихотворений Жуковского, которые, вслед за Т. Фрайман, можно было бы назвать «стихотворениями о таинственном посетителе»⁴². Истоки его восходят к более раннему периоду: образ «таинственного посетителя» намечен уже в стихотворениях «Монах» (1808) и «Послание Элоизы к Абельяру» (1806), в которых он противопоставляется образам литургическим. Однако в павловский период образная система «философии невыразимого» вступает в гораздо более сложное взаимодействие с литургическими мотивами, что отразилось в стихотворениях «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской» и «Праматерь внуке» (1819), которые подвергаются в диссертации подробному анализу.

В 1820 – 1821 гг. Жуковский побывал в Германии в составе свиты великой княгини Александры Федоровны. Он провел семь месяцев (с октября 1820 по май 1821 гг.) при дворе отца великой княгини, прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Здесь поэт тесно соприкоснулся с кругом прусских семейно-династических традиций (отчасти известных ему и раньше, ср. стихотворение «Цвет завета»), важнейшей из которых был культ памяти покойной супруги Фридриха-Вильгельма III королевы Луизы. В поэтическом воображении Жуковского образ королевы Луизы соединился с образом «таинственного посетителя». Дальнейшая проекция образа «таинственного посетителя» на дочь королевы Луизы великую княгиню Александру Федоровну стала последним штрихом в оформлении «философии Лалла Рук». Окончательно оно произошло под впечатлением берлинского придворного праздника 1821 г., на котором были представлены живые картины по мотивам одноименной поэмы Т. Мура.

«Философия Лалла Рук» построена на радикальном двоемирии. Земное и небесное в ней несовместимы, отделены друг от друга завесой. Лишь иногда и только на мгновение завеса приоткрывается – тогда глазам души вдруг предстает небесное, но тут же и исчезает. Небесное «нам является единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы нам сказаться, оживить, обновить душу, – но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем» (XIII: 156). Посредником между небесным и земным, вестником неба на земле является «таинственный посетитель» – «мимопролетевший гений», «ангел», «гений чистой красоты», «Лалла Рук». Именно этому существу дана власть распахивать завесу. Едва показавшись, «гений» быстро скрывается из глаз, оставляя после себя «прощальную звезду». Звезды эти освещают земной путь человека. Хотя они, подобно фонарям, не могут рассеять всего мрака земли, но взгляд на них оживотворяет душу.

Заметим, что в экспликациях «философии Лалла Рук», как и в «философии фонаря», широко использованы эмблематические средства. Ее инвариантные образы (вестник, завеса, звезда) очень наглядны и картинны. Фактически, они, представляют собой экфрасис эмблемной *figur*'ы, подписью к которой служат рассуждения Жуковского (такие, как его запись в дневнике (от 4 (16) февраля 1821 г.), а девизом – слова Руссо «il n'y a de beau que ce que n'est pas».

⁴² Фрайман Т. Творческая стратегия и поэтика В.А. Жуковского. Тарту, 2002. С. 97–130.

Фигура «таинственного посетителя» в этой философии может отождествляться не только с Лалла Рук. Есть и еще один вариант ее воплощения – образ ребенка. Неслучайно, что одновременно с созданием ключевых для «философии Лалла Рук» текстов Жуковский в 1821 г. принялся за перевод второй части повести Т. Мура «Лалла Рук» «Пери и Ангел», в которой самым ценным на земле даром, способным открыть двери Эдема, оказывается слеза грешника, пришедшего к покаянию при виде молящегося младенца. Молитва эта изображена Жуковским как молитва небесного существа, «Херувима», лишь временно поселившегося на земле. Именно эти черты в творческом воображении поэта соединяются с образом старшей дочери великой княгини Александры Федоровны – великой княжны Марии Николаевны. В первоустановочном для отношений Жуковского с Марией Николаевной сюжете (поэт перед колыбелью) и основополагающем для их отношений тексте (стихотворении «Праматерь внуке»), а также в их переписке Жуковский отводит Марии Николаевне роль невинного, «тихого» младенца, который как небесный «колонист» появляется на земле, покинув на время свою горнюю «отчизну», и «расцветает», «весело и беззаботно порхая на крыльях молодости по свежему лугу жизни». На мифопоэтику отношений Жуковского с Марией Николаевной с самого начала оказывала влияние повесть Ф. де Ла Мотт Фуке «Ундина»: рождение Марии Николаевны пришлось на время увлечения Жуковского творчеством этого немецкого романтика. В своем стихотворном переводе этой повести, сделанном по настоянию Марии Николаевны, Жуковский усвоил Ундине многие черты своей ученицы. Перевод «Ундины» поэт предварил стихотворным посвящением Марии Николаевне, в котором суммируются уже знакомые мотивы пустой колыбели, «милого гостя», «тихого младенца», «уроженца неба». Они были частью поэтической вселенной Лалла Рук. Только в роли небесного вестника в данном случае выступала не восточная «тюльпаношекая» принцесса, а похожий на «божьего ангела» «младенец» – Мария Николаевна, «явление» которого «завсегда» «наводит поэзию» на душу.

В эпоху «философии Лалла Рук» свое развитие получает и образ судьбы как основной губительницы счастья, намеченный в ранней лирике Жуковского. Он занимает центральное место в миниатюре «Несчастье» (1850), первая редакция которой, как выяснила Н.Б. Реморова⁴³, была написана во время пребывания Жуковского в Берлине в апреле 1821 г. Несчастье в ней уподобляется великану со светозарным лицом и свинцовыми ногами. Тот, кому хватит духа взглянуть ему в лицо, просветлеет, а тот, кто не сможет этого сделать, будет «затоптан в прах».

В диссертации подробно исследуется жанровая природа этой миниатюры и делается вывод о ее близости аллегоризированной притче в духе парамафий Гердера. В последующем Жуковский неоднократно использовал образ несчастья-великана со светлым лицом и свинцовыми ногами, в частности в написанном им (или при его участии) предисловии к первому изданию поэмы И.И. Козлова «Чернец», а также в устном общении с И.И. Козловым (ср. стихотворение И.И. Козлова «Стансы» (1834)). Ту же аллегорическую фигуру Жуковский положил в основу

⁴³ Реморова Н.Б. В.А. Жуковский — читатель и переводчик Гердера // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1978. С. 202.

своего стихотворения «Судьба» (1837), которое вошло в цикл его переложений антологических стихотворений Гердера. Травестийное использование мотива свинцовых ног находим в шуточном экфрасисе «Malerische Darstellung einer Bleifüssler-Procession» («Живописное изображение свинцово-суматошной процессии»), написанном Жуковским в июле 1840 г. во время сватовства к Е. Рейтерн⁴⁴.

Таким образом, экзистенциальная идея победы над судьбой через покорность Промыслу, встречающаяся уже в лирике Жуковского 1800–1810-х гг., обретя аллегорическое выражение, с помощью него реализуется в притче, в антологическом стихотворении, в травестийном экфрасисе и даже в устном общении.

Третий параграф второй главы – «От “**философии Лалла Рук**” к “**христианской философии**”». Он состоит из трех подразделов: «Тема Эдема в религиозно-философских исканиях В.А. Жуковского первой половины 1840-х годов», «Тема революции и “христианская философия” В.А. Жуковского второй половины 1840-х годов», «Христианская философия в поэме “Странствующий жид”».

После помолвки с Елизаветой фон Рейтерн, состоявшейся 3 (15) августа 1840 г., Жуковский принялся за подготовку к предстоящей ему семейной жизни – не только в отношении бытовом и материальном, но и в отношении поэтическом. Он погрузился в разработку религиозно-философской автоконцепции своего брака, ставшей, если можно так выразиться, художественным эйдосом, по образцу которого поэт стремился выстраивать свою семейную жизнь, особенно поначалу. Ключевой в ней, как показал И. Веницкий⁴⁵, была тема провиденциальности. В своих письмах Жуковский многократно настаивал, что его брак с Елизаветой фон Рейтерн – особый дар Промысла, что события, предшествовавшие свадьбе с ней, происходили помимо человеческой воли.

Другим мотивом, который настойчиво подчеркивал Жуковский, был мотив *отделенности* и *отдельности* его семейной жизни от прошлого во времени и от всего постороннего в пространстве. После свадьбы он поселился в маленьком Дюссельдорфе, в уединенном доме, «отделенном от города прекрасным парком» и устроил там «свой мир, отгороженный забором огорода». Ближайший конфидендент и постоянный эпистолярный собеседник Жуковского, его родственница и сочувственница А.П. Елагина, единственная из всех родных поэта побывавшая в «благословенном» «Дюссельдорфен-уголке», угадала за словами Жуковского верный и адекватный его интенции образ – образ рая. Ведь рай – это тоже отгороженное, «отделенное» от остального мира место, сад, предназначенный для блаженства. Библейский Эдем омывается четырьмя реками – Тигром и Евфратом, Фисоном и Гихоном (Быт. 2: 10–13), Сам Бог, пишет Елагина Жуковскому, «велел им превратиться в Рейн и окружить то убежище, которое приготовил вашей чистой душе»⁴⁶. Вход в Эдем охраняет херувим «с пламенным мечом

⁴⁴ Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения. С. 420–421.

⁴⁵ Vinitzky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism. P. 239–262.

⁴⁶ Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. 1813–1852. / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жилияковой. М., 2009. С. 503.

обращающимся», чтобы не допускать недостойных к древу жизни (Быт. 3: 24); «херувим с пламенным мечом любви» должен сохранить семейный рай Жуковского от «смут и забот, его недостойных». Жуковский – это «ангел» этого рая: «notre cher ange» – так называет его Елагина в своих письмах Елизавете, саму же Елизавету, «озаряющую земной рай», Елагина неизменно именует «нашей милой Мадонной». Ключом к этому именованию являются два текста Жуковского: перевод стихотворения Н. Ленау и статья о Рафаэлевой Мадонне.

Семейная жизнь видится Жуковскому как рай, в котором он будет грезить теми грезами, которыми грезило человечество на заре истории, в своем невинном младенчестве – сказаниями Гомера. Характерно, что в интерпретации Жуковского гомеровский эпос понимался именно как безыскусный и невинный младенческий лепет, сам Гомер – как «простодушнейший из всех рассказчиков», а язык Гомера – как «язык Эдема». Таким образом, «детскость» и «райскость», как и прежде, в творческом воображении Жуковского соседствовали друг с другом.

Жуковскому казалось, что не только корабль его жизни в 1840–1841 г. достиг тихой пристани Эдема, но и Россия, а также Пруссия, а может быть, и вся Европа, вступили в особую райскую эпоху золотого века⁴⁷. Это убеждение отразилось в составе его семейного альбома и выразилось в стихотворении «Завидую портрету моему!» (1843), которое должно было стать сопроводительным текстом к портрету Жуковского, написанному дюссельдорфским художником Т. Гильдебрандтом. Центральное место в этом стихотворении занимают образ Эдема, вход в который стережет «Ангел с пламенным мечом», и образ вифлеемской звезды. Можно сказать, что оно, вобрав в себя и «домашнюю» семантику отношений Жуковского с царским семейством, и политические идеологемы александровского царствования, и элементы «философии Лалла Рук», и литургические мотивы, стало для поэта манифестом «эдемской» эпохи, наступления которой он чаял и в личной, и в исторической жизни.

Последующие события очень быстро пришли в противоречие с этими чаяниями. Катастрофа разразилась во второй половине 1846 г., когда Елизавета заболела мучительными и продолжительными приступами глубокой депрессии, не поддававшейся лечению и преследовавшей ее до конца жизни. Начавшаяся болезнь жены была спровоцирована событием, затронувшим всю Европу, – «вулканической жарой» 1846 года, на который пришелся один из самых сильных климатических катаклизмов XIX в. – ужасная летняя засуха, сопровождавшаяся эпидемией фитофторозы, приведшая к голоду и народным волнениям – грозным раскатам, предвещавшим революцию 1848 г.

Зимой 1845–1846 гг. пошатнулось здоровье и самого Жуковского. Поэта мучали слабость, сердцебиение и другие немощи. Самым страшным было то, что резко и необратимо ухудшалось зрение. Ужас перед наступающей слепотой, непроницаемой тьмой, обступающей человека со всех сторон, стал для Жуковского автопсихологическим мотивом. Столь же выстраданным для

⁴⁷ Ср. наблюдения И. Виницкого по этому поводу (Vinitsky I. Vasily Zhukovsk's Romanticism. P. 245–246) и наблюдения Т. Гузаирова о чаянии наступления «новой эпохи» в 1830-х гг. (Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог. С. 58–79).

него был и мотив темноты не внешней, а внутренней. С 1845 г. он чувствовал упадок творческих сил. Литературные занятия его были «как будто разбиты параличом», главный труд этого времени – перевод «Одиссеи» не продвигался «вперед ни на шаг». Перечисленные исторические, автобиографические и автопсихологические обстоятельства отразились в знаковом тексте Жуковского 1846 г. – стихотворной повести «Египетская тма». Мир «Египетской тмы» – полная антитеза миру «философии Лалла Рук». В мире «философии Лалла Рук» господствует упование и надежда; в мире «Египетской тмы» – тревога, переходящая в панический страх. В «философии Лалла Рук» изображено «присутствие Создателя в создании». В «Египетской тме» – отсутствие Создателя в создании. Причина этого отсутствия заключается не в том, что Творец отвернулся от своего творения, а в том, что творение отвернулось от своего Творца и погрузилось во мрак безверия, страха и уныния.

«Египетская тма» была выражением кризиса, через который прошел Жуковский в 1846 г., но это не значит, что он поддался ему. Концепция семейной жизни у Жуковского во второй половине 1840-х гг. кардинально меняется. На смену романтической утопии земного рая и идиллического «счастья» приходит идея мужественного крестоношения и «философия жизни как школы терпения». Жуковский, как и прежде, считает, что он – «дитя Провидения», но теперь думает, что путь еще не закончен, концы и начала еще не сошлись, и более того – их соединение достижимо только в трансцендентном земном модусе бытия. Это вполне христианское понимание определяет этос его поведения в последние годы и рождает то ощущение свободы как «совершенной подчиненности воле Божией всегда, во всем, везде, и ничему иному», которое столь характерно для позднего Жуковского: «в сей подчиненности, – считал он, – заключается свобода от зла, от судьбы, от людей» (XI/1: 436).

Еще более страшным ликом судьбы, чем тот, что открылся ему в невзгодах семейной жизни, были роковые события, обрушившиеся на Европу и положившие конец надеждам на наступление «эдемской эпохи» – события революции 1848 г. Чтобы разглядеть Провидение и в мутной буре революционного хаоса, Жуковскому понадобилось стать «шпионом времени» и много размышлять о современных революционных потрясениях (в статьях, в дневнике, в письмах), изучая эту тему с точки зрения своей «христианской философии». Размышления Жуковского о революции сравниваются в диссертации с историософскими концепциями Ф.И. Тютчева. Оба поэта трактуют революцию не как общественно-политическую, а как метафизическую силу, антихристианскую по своей сущности.

Такое понимание нашло отражение в поэтике стихотворений «К русскому великану» Жуковского и «Море и утес» Тютчева, которые можно рассматривать как своеобразный поэтический диптих. Жуковский сходится с Тютчевым в диагнозе современного положения вещей (революция – антихристианская сила, Европа бессильна перед ней; Россия может ей сопротивляться, поскольку является носительницей двух способных противостоять революции начал – неповрежденной христианской веры и непоколебленного самодержавия; Россия должна спасти Европу от революции), однако резко расходится с ним в выборе методов борьбы с

революцией. Если Тютчев для этого считал необходимым создание на основе России Греко-славянской империи (возрожденной Византии), то Жуковский считал, что спасение Европы от революции возможно с помощью осуществления «иерусалимского проекта» (термин Т. Гузаирова) – мирного перехода Иерусалима под контроль христианских держав. Оба замысла генетически связаны с внешнеполитическими проектами Российской империи екатерининской и александровской эпохи: один – с «греческим проектом», другой – со Священным Союзом.

Жуковский обосновывает мысль о том, что мирное освобождение Иерусалима совокупными усилиями христианских государей станет толчком к преобразению Европы, к возвращению ей ее христианского лика. Подобное возвращение он считает величайшей задачей современности, а распространение «истекающей из христианства образованности» – единственным способом достичь его. Именно с этими интенциями окажутся связаны последние большие творческие проекты Жуковского, предпринятые им в 1850–1851 гг., – издание тома религиозно-философской прозы, разработка курса первоначального домашнего обучения, написание поэмы «Странствующий жид».

Идея этой поэмы, задуманной еще в 1841 г., не переставала волновать поэта на протяжении всех сороковых годов, но к непосредственной работе над ней Жуковский приступил лишь незадолго до смерти, в 1851 г. В основу сюжета поэмы он положил средневековую легенду о «вечном жиде» – Агасвере, изобразив в нем человека, получившего то, что на протяжении тысячелетий являлось вожделенным предметом мечты и поисков человечества, – непрерываемую смертью жизнь, и обнаружившего, что вечная жизнь для зараженной грехом души означает вечное мучение. «Бессмертие без благодати более тягостно, нежели полезно», – этими словами св. Амвросия Медиоланского можно выразить мысль, определившую развитие темы бессмертия в поэме. Не менее важной ее темой стала тема покаяния – изменения, благого пересоздания человеческой души. Это — одна из точек сближения Жуковского с Н.В. Гоголем, который, как известно, во втором томе «Мертвых душ» также хотел привести своих героев, в том числе и Чичикова, к перемене. Характерно, в связи с этим, почти одновременное внимание Жуковского и Гоголя к имени «Павел»: Гоголь дает это имя главному герою своей поэмы, а Жуковский – своему сыну. В творческом сознании и того, и другого оно соотносится с апостолом Павлом, жизнь которого может рассматриваться как своего рода архетип покаяния.

Характерно, что поэма «Странствующий жид», по наблюдению Л.Н. Киселевой, была написана «в виде исповеди Агасвера Наполеону»⁴⁸. Действительно, речь Агасвера перед готовым покончить с собой императором французов, — горячая и искренняя исповедь, безыскусная по своей детской откровенности. И как в «Пери и Ангел» чистосердечие молящегося ребенка приводит к покаянию разбойника, а в «Капитане Боппе» — впавшего в уныние капитана, так в «Странствующем жиде» исповедь Агасвера спасает Наполеона. Однако его речь – это еще и проповедь⁴⁹, «концентрированное изложение основ христианского вероучения»⁵⁰. И она тоже

⁴⁸ Киселева Л. Байроновский контекст замысла Жуковского об Агасфере // НЛО. 2000. № 42. С. 245–254.

⁴⁹ Виноцкий И. Дом толкователя. С. 292.

обращена к Наполеону. Наполеон же был для Жуковского олицетворением современной, зараженной «тифусом» революции Европы. Исповедь-проповедь Агасвера остановила отчаявшегося Наполеона на краю бездны. Исповедь-проповедь Жуковского, поэма «Странствующий жид», писалась с надеждой, что «христианская философия» остановит несущуюся к пропасти Европу, и Европа, подобно Агасверу, вновь обретя Христа, вернется в Иерусалим, о чем Жуковский и мечтал в своем «иерусалимском проекте».

Третья глава – «Религиозные влияния на В.А. Жуковского в 1840-е годы». Ее **первый параграф «Уклад религиозной жизни в семье В.А. Жуковского в 1840-е годы»** состоит из трех подразделов: «*Отношения с родственниками и домашними*», «*Отношения с женой*», «*Духовное чтение и домашняя молитва*».

Уклад жизни семейства Жуковских формировался на стыке традиций русской дворянской и немецкой дворянской среды. И в той, и в другой в первой половине XIX в. происходили сходные процессы перехода от патриархальной к современной модели семейного поведения. В Германии с ними оказалось тесно связано становление эстетики бидермайера с ее пафосом семейного уюта, поэтизацией домашнего быта. Жуковский был знаком с таким «бидермайерским» укладом не только по семейству Рейтернов, но и по царскому семейству с его сентиментально насыщенными отношениями между супругами и эмоциональной близостью между родителями и маленькими детьми. В диссертации показывается, каким образом этот уклад сказывался на отношениях Жуковского со слугами (реконструируется история его отношений с В.Я. Кальяновым), с тестем и супругой.

Значительное место в домашнем быте Жуковского 1840-х годов заняли практики домашнего благочестия, характерные для пиетистской среды. По верному наблюдению Н.Е. Никоновой⁵¹, фактически, семейство Рейтернов представляло собой что-то вроде *collegia pietatis*, к которой теперь примкнул и Жуковский. Когда-то, в XVII в., один из основателей пиетизма, Ф.Я. Шпенер, в своей книге «*Pia disederia*» (1675) призвал к созданию такого рода коллегий как обществ содействия благочестию через взаимное наставление и душепопечение. Целью их он провозгласил обретение живой веры (в противоположность вере мертвой, *fides mortua*, не способной оправдать человека). Пиетистский этос подразумевал совместное обсуждение внутренних переживаний, религиозных чувств. Предполагал он и совместное изучение Священного Писания.

В первой половине 1840-х гг. Жуковский читал Библию ежедневно. На каждый день он выбирал из Нового Завета длинный отрывок (обычно главу, которую он прочитывал с утра) и короткий отрывок (один–два стиха из Евангелий и Посланий, которые, очевидно, тоже прочитывались с утра и становились темой размышлений в течение дня). Когда поэт не находился в отъезде, чтения длинных отрывков происходили совместно с супругой. В расписаниях дня, составленных Жуковским в 1840-е гг., такое совместное чтение Писания

⁵⁰ Киселева Л. «Агасвер, или Странствующий жид». С. 355.

⁵¹ Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. С. 275.

выделено отдельными пунктами. Жуковский отводил для него время с 8.00 до 8.30 утра.

Этот обычай напоминает традиционную в западной аскетической культуре практику *lectio divina*. В качестве материала для подобного рода чтений могли использоваться не только библейские, но и духовно-назидательные тексты. У Жуковских таким текстом была книга Р. Штира «Речи Господа Иисуса», представляющая собой комментарий на четвероевангелие. Судя по расписаниям дня, составленным Жуковским, они с женой ежедневно вместе читали эту книгу с половины десятого до половины одиннадцатого утра.

Таким образом, в укладе религиозной жизни семейства Жуковского можно выделить черты, сформированные немецким пиетизмом. В то же время многое, и даже основное, в укладе религиозной жизни Жуковского определялось православием. В его записных книжках 1840-х гг. нет немецких (или переведенных с немецкого) молитв и богослужебных гимнов, характерных для лютеранского богослужения; и в то же время там есть выписки из Акафиста Иисусу Сладчайшему на церковнославянском языке (так можно понять, что Жуковский читал молитвенное правило по-церковнославянски). Своих маленьких детей поэт регулярно возил на поезде из Франкфурта-на-Майне в Висбаден для причащения в православном храме, настоятелем которого был священник Иоанн Базаров, ставший духовником Жуковского.

Истории их отношений посвящен **второй параграф** главы – «**В.А. Жуковский и протоиерей Иоанн Базаров**». Он состоит из трех подразделов: «*История знакомства В.А. Жуковского со священником Иоанном Базаровым*», «*Участие священника Иоанна Базарова в проектах В.А. Жуковского 1840-х годов*», «*Священник Иоанн Базаров о кончине В.А. Жуковского*».

Протоиерей Иоанн Базаров (1819–1895) – один из самых замечательных представителей яркой плеяды русского заграничного духовенства XIX в. Знакомство Жуковского с Базаровым состоялось, очевидно, в Висбадене, куда поэт в 1844 г. приезжал на говение Рождественским постом, а затем и на похороны великой княгини Елизаветы Михайловны, скончавшейся родами 16 (28) января 1845 г. Окончательное сближение между ними произошло в 1848–1849 гг. К концу жизни поэта Базаров стал одним из самых духовно близких ему людей.

Кроме основной, сакраментально-духовнической составляющей, в отношениях Базарова и Жуковского были и другие стороны. Базаров стал для Жуковского постоянным консультантом по богословским вопросам. По просьбе поэта он снабжал его богословскими книгами. Базаров и Жуковский вместе занимались благотворительностью. Наибольший интерес представляет участие Базарова в духовно-просветительных проектах В.А. Жуковского 1848–1850 гг.: переводе на русский язык книги Р. Штира «Речи Господа Иисуса», переводе на немецкий язык трактата А.С. Хомякова «Церковь одна». Уже после смерти Жуковского Базаров помогал подготовиться к переходу в православие его жене. В диссертации подробно анализируются воспоминания Базарова о последних днях жизни и кончине Жуковского.

Третий параграф главы – «**Религиозная литература в круге чтения В.А. Жуковского 1840-х годов**». Он состоит из трех подразделов: «*Общий обзор религиозной литературы в*

библиотеке В.А. Жуковского», «Издания Библии и книги по библеистике», «Духовно-назидательная и богословская литература».

Общее количество книг религиозного содержания в библиотеке Жуковского по сделанным подсчетам составляет примерно 240 наименований, в том числе 11 изданий библейских текстов. Из них наибольший интерес Жуковского вызвал Новый Завет в переводе М. Лютера в трех томах с комментариями О. фон Герлаха (Berlin, 1835 — 1839). Эта книга сохранила следы очень внимательного чтения поэта: пометки на ее страницах весьма многочисленны. Они относятся к 1846 г., но судя по дневнику Жуковского поэт пользовался ей и в 1841 г. Из сочинений по библейской экзегетике и исагогике наибольший интерес у Жуковского вызвало шеститомное сочинение уже упоминавшегося выше немецкого библеиста Р. Штира «Речи Господа Иисуса». Жуковского также очень интересовали исагогические труды по библеистике, в том числе адресованные детям. Это различные издания по священной истории, библейской географии, библейские атласы и словари.

Из сочинений по догматике, апологетике и духовно-нравственных (аскетических) сочинений на Жуковского наибольшее впечатление произвела книга нормандского мистика XVII в. Берньера-Лувињи, прочитанная им в 1846 г. в немецком переводе. Жуковский собирался перевести ее на русский язык, но затем замысел претерпел изменения: поэт отказался от идеи переводить книгу полностью, а впечатления от ее чтения положил в основу собственной статьи «О внутренней христианской жизни». Берньер-Лувињи был предшественником квиетизма — того самого религиозного течения, к которому принадлежал оказавший огромное влияние на Жуковского в юности Ф. Фенелон. Таким образом, многое в духовных вкусах Жуковского последнего периода творчества определялось влияниями, испытанными еще в ранней молодости.

Далее в параграфе подробно анализируется влияние, оказанное на Жуковского французским фидеистом Л. Ботеном и пометки поэта в его книге «Философия христианства», а также пометки и маргиналии Жуковского в сочинениях А.С. Стурдзы.

Четвертая глава — «Религиозно-философские и богословские проекты В.А. Жуковского 1840-х–начала 1850-х годов». Ее первый параграф — «Религиозно-философская проза В.А. Жуковского 1840-х годов». Он состоит из трех подразделов: «История создания и публикации», «Концептуальные основы», «Основные темы».

Замысел создания сборника религиозно-философской прозы появился у Жуковского еще в середине 1840-х гг. Его реализация прошла через несколько этапов. Первым из них является работа над циклом «Мысли и замечания» (июль 1844 — март 1847), в процессе которой Жуковский написал 57 прозаических фрагментов. В это же время были созданы и другие отрывки, не входящие в этот цикл. С начала 1847 г. у Жуковского появляется новая идея — написать книгу прозы в виде писем к Н.В. Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями». Зимой 1849–1850-х гг. замысел обретает окончательную форму: поэт решает издать сборник в виде 10-го тома Полного собрания своих сочинений, девять первых томов которого были уже отпечатаны и лежали на складе в Петербурге, ожидая распоряжения пустить их в

продажу.

В диссертации на основе архивных материалов РГИА и ГАРФ подробно рассматривается история прохождения рукописей 10-го тома через цензуру и их «цензурного кораблекрушения» (при жизни Жуковского этот том так и не был опубликован), а также анализируется выразившаяся в них система религиозно-философских взглядов Жуковского в антропологическом, метафизическом и гносеологическом аспектах. Делается вывод о влиянии на него православной богословской традиции, лютеранской теологии, квиетизма и неоплатонизма.

Второй параграф главы – «**Новый Завет в переводе В.А. Жуковского**». Он состоит из трех подразделов: «*История создания*», «*Текстологическая основа и стиль*», «*История публикации*».

Хронология работы Жуковского над переводом Нового Завета в 1844–1846 гг. восстанавливается по пометам в черновом автографе, который долгое время хранился у правнучки В.А. Жуковского Е.В. Патрикиадес-Байрон. В 2007 г. по инициативе Э. Касинца эта рукопись, в числе других документов из коллекции Жуковских-Белёвских, была приобретена Славяно-Балтийским отделом Нью-Йоркской публичной библиотеки и стала доступна для исследователей.

Жуковский переводил Новый Завет с церковнославянского текста Елизаветинской Библии. Поскольку оригинальным языком Нового Завета является греческий, в данном случае повторилась типичная для Жуковского 1840-х гг. ситуация: перевод осуществлялся с текста-посредника. Несомненно, использовал Жуковский и русский перевод Нового Завета, сделанный Российским Библейским обществом. На перевод Жуковского также оказали влияние Новый Завет во французском переводе де Саси и в немецком переводе Лютера, издания которых сохранились в его библиотеке. Таким образом, очевидно, что текстологическая основа перевода Жуковского достаточно сложна. Она определяется не только текстом Елизаветинской Библии, но и сильным влиянием перечисленных выше переводов.

Своеобразие новозаветного перевода, сделанного Жуковским, связано с оригинальностью стилистических решений, а не богословских интерпретаций. Преобладающей стилистической тенденцией в нем является славянизация, которая была сознательной переводческой стратегией Жуковского, а не механическим воспроизведением лексем, грамматических и синтаксических конструкций Елизаветинской Библии. Подобного рода стилистическое решение опиралось на определенные религиозно-философские установки. В период формирования «философии Лалла Рук» в поэзии Жуковского господствовала эстетика невыразимого, исходя из которой слово и образ должны были стать максимально развоплощенными, поскольку невыразимое не выражается, но сквозит в них. Язык не может выразить «присутствия Создателя в созданье», и «лишь молчание понятно говорит».

Но в середине 1840-е гг. для Жуковского настает «минута христианства». Не пантеистическая религия невоплощаемого «невыразимого», а христианское благовестие о воплощении ипостасного Слова оказывается предметом его раздумий и его творческого

внимания. Эстетика невыразимого становится неуместной. Начинается выработка того ориентированного на тождество слова и смысла, на соединение поэзии и прозы стиля, который и нашел свое выражение в переводе Нового Завета. Далее в параграфе подробно исследуется история публикации Нового Завета в переводе Жуковского и отклики на него.

Третий параграф главы посвящен теме **«Опыты религиозной педагогики В.А. Жуковского»**. Он состоит из трех подразделов: *«Особенности “придворной педагогики” В.А. Жуковского»*, *«Участие В.А. Жуковского в преподавании Закона Божия наследнику престола»*, *«Живописная Священная история – педагогический проект В.А. Жуковского начала 1850-х годов»*.

Первый значительный опыт организации преподавания религиозных предметов Жуковский получил в свою бытность наставником наследника престола. В его служебные обязанности входило составление учебного плана и подбор учителей для наследника. В качестве преподавателя Закона Божия Жуковский пригласил к нему известного библеиста протоиерея Герасима Павского.

Религиозность Павского была созвучна религиозным настроением Жуковского 1820-х гг. И Жуковский в 1820-е гг., и Павский исповедуют понимание религии, напоминающее известную концепцию Шлейермахера. Для них религия — высшая точка раскрытия души, самое возвышенное чувство, какое-то прекрасное переживание «невидимого, внутреннего, святого». Подобного рода концепция была положена в основу целого комплекса учебных пособий, разработанных Павским при участии Жуковского.

Опыт, накопленный за время деятельности на поприще придворной педагогики, Жуковский в конце 1840-х годов решил воплотить в собственном семействе. Он принялся за разработку курса первоначального обучения для своих детей. Замысел этого проекта возник в 1845 г., а основная работа над ним пришлась на 1851–1852 гг.; методологической основой проекта была система Песталоцци, актуализированная в 1840-х гг. Дистервегом; основополагающими принципами – принципы доступности и наглядности.

Именно этот проект в письме П.А. Плетневу Жуковский назвал своей «педагогической поэмой». Курс первоначального обучения состоял из трех разделов: арифметики, русского языка (Живописной азбуки) и Живописной Священной истории.

На основе архивных материалов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, в диссертации исследуются учебно-методические разработки Жуковского по Живописной Священной истории. Они включали в себя конспекты и хронологические таблицы, выполненные с помощью придуманных Жуковским еще в 1820–1830-е гг. сорока специальных знаков; карты по исторической географии; атлас древнего мира, а также гравюры, подобранные Жуковским из иллюстрированного издания Библии.

В Заключении подводятся итоги исследования.

На протяжении своего жизненного пути Жуковский испытывал различные религиозные влияния, но разнообразие влияний не отменяет концептуального единства его творчества, в

основе которого лежит жизненная философия, исходившая из одной первоисточной интенции: стремления к соединению земного и небесного, попытки трансцендирования условного – в безусловное. Сначала поэт искал ее реализации в утопии «милого вместе» с Машей Протасовой. Затем, пережив крах надежд на брак с ней, перешел к меланхолической «философии фонаря» и «философии Лаллы Рук» – мифопоэтическим системам, основанным на абсолютизации романтического двоимирия. Женитьба на Елизавете Рейтерн возродила его утопические упования, и начало 1840-х гг. ознаменовалось для Жуковского всплеском надежд на наступление «эдемской эпохи» и в семейной жизни, и в историческом бытии человечества. Но болезнь жены, с одной стороны, революция 1848 г. – с другой, разрушили эти упования. На этот раз на смену им пришла «христианская философия».

Интерпретируя жизненную философию Жуковского, не следует забывать, что он не отделял аналитическую мысль от поэтического воображения. Постигание действительности для Жуковского заключалось в интеграции действительности в поэтический миф, или, вернее, опознанию действительности как поэтического мифа. Миф этот на протяжении всей биографии Жуковского сохранял одну и ту же морфологическую структуру, хотя и наполнялся разным содержанием, в зависимости от того, через какую стадию проходило развитие жизненной философии поэта.

На стадии философии «милого вместе» он включал в себя следующую систему образов и персонажей.

1. Эдем (рай, «райская обитель») как огражденное и противопоставленное остальному миру место взаимообщения прекрасных душ, пространство соединения небесного и земного.

2. Судьба, бродящая за пределами рая и угрожающая ему разрушением, от которой может спасти лишь вера в бессмертие.

3. Насельницы рая – небесные, женственные существа (Маша, Саша и Екатерина Афанасьевна Протасовы), через сопричисление к сонму которых только и можно сподобиться райского блаженства.

4. Звезда как путеводительница к райской обители (ср. стихотворение «Пловец», 1812).

В эпоху «философии Лалла Рук» эта система образов претерпевает следующие изменения.

1. Образ рая исчезает. Мотив соединения земного и небесного нюансируется мотивом их разъединения. Вместо стены, ограждающей и охраняющей рай, появляется образ завесы, разделяющей небесное и земное.

2. Судьба приобретает черты жуткого великана со светлым лицом и свинцовыми ногами, который может беспощадно раздавить и затоптать в грязи человека, не имеющего сил взглянуть в его лицо.

3. Райское женственное существо превращается в «ангела», «небесного посетителя», «мимолетающего гения», «гения чистой красоты», небесного «младенца», «Лалла Рук». Оно персонифицируется в королеве Луизе, великой княгине Александре Федоровне, великой княжне Марии Николаевне, великой княжне Александре Николаевне.

4. Звезда сохраняет свою «путеводную» функцию. Она остается в «темной области земной» после отлета «гения чистой красоты» и ассоциируется с воспоминанием о «чистых мгновениях бытия».

В период «христианской философии» происходят дальнейшие трансформации этой мифопоэтической системы.

1. Возрождается и вновь терпит крушение мечта о земном Эдеме, после чего, к концу 1840-х гг., образ рая в мифопоэтике Жуковского начинает соотноситься с христианством как единственным способом соединения небесного и земного.

2. Судьба лишается своей неукротимой силы, она может быть побеждена «совершенной подчиненностью воле Божией всегда, во всем, везде, и ничему иному» (XI/1: 436).

3. Посредником между небесным и земным оказывается не «гений чистой красоты», а Иисус Христос. В христианстве завеса, отделяющая небесное от земного, всегда остается распахнутой.

4. Путеводная звезда в мифопоэтике «христианской философии» становится вифлеемской звездой Рождества Христова.

Эти системы не полностью отменяли одна другую, а интегрировались друг в друга, являясь феноменами единого мифопоэтического мира, устойчивого не только по своим эстетическим интенциям, но и по приемам экспликации.

Среди последних нужно особо выделить эмблематизацию. Эмблема и аллегория являются основным «органом» поэтического философствования Жуковского и излюбленным у него способом постижения жизни. Недаром и итог своей жизни Жуковский подводит в виде аллегорического рисунка, своего рода пиктографических мемуаров. Готовя к изданию VII том 5-го издания своих сочинений Жуковский придумывает для него гравюру («карту судьбы моей»), которую помещает на фронтиспise. В центре ее – «аллегорическая сцена в раме, представляющая собой иллюстрацию к философской миниатюре Жуковского «Взгляд на землю с неба» (1831)»: из «необъятного океана света» два ангела указывают на «пылинку-землю». «Вокруг этой сцены размещены миниатюрные пейзажи»⁵², подобно клеймам на иконе, иллюстрирующие разные этапы жизни Жуковского с рождения и до 1844 г. Таким образом, наглядно и очевидно обнаруживается ракурс религиозной философии Жуковского, религиозная оптика его самосознания – взгляд на землю с неба.

В связи с вышесказанным понятно, что перспективы темы исследования связаны, во-первых, с дальнейшим изучением выявленного в диссертации контекста религиозно-философских исканий Жуковского, а во-вторых, с анализом эмблематической эстетики, взаимосвязей визуального и вербального в его творчестве.

⁵² Вуич Л.И. «Карта судьбы моей...» // «Жизнь и Поэзия одно...». В. А. Жуковский: Изобразительные и документальные материалы из собраний Пушкинского Дома: Каталог / Науч. ред. Т.И. Краснородько, Е.О. Ларионова, вступ. ст. Л.Е. Мисайлиди, Л.И. Вуич). Санкт-Петербург, 2013. С. 33. См. в этой статье подробный анализ данного аллегорического рисунка Жуковского.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук:

1. Долгушин Д. В. Еще раз о святоотеческих мотивах в «Шинели» Н. В. Гоголя / Д. В. Долгушин // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 4. – С. 30–35. – 0,3 а.л.

2. Долгушин Д. В. «Весь этот том будет проза...» (к истории неосуществленного замысла сборника религиозно-философской прозы В.А. Жуковского) / Д. В. Долгушин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 8 : Филология. – С. 139–148. – 1,03 а.л.

3. Долгушин Д. В. О языке и стиле библейских переводов В. А. Жуковского / Д. В. Долгушин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 9 : Филология. – С. 153–162. – 1,01 а.л.

4. Долгушин Д. В. Неизданный конспект В. А. Жуковского по истории / Д. В. Долгушин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 12 : Филология. – С. 232–238. – 0,63 а.л.

5. Долгушин Д. Протоиерей Иоанн Базаров и В. А. Жуковский: из истории религиозно-философских исканий русского образованного общества 1840-х годов / священник Д. Долгушин // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2013. – Вып. 4 (53). – С. 90–104. – 1,05 а.л.

6. Долгушин Д. Письма Е. А. Жуковской протоиерею Иоанну Базарову (1852–1854) / священник Д. Долгушин // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2013. – Вып. 4 (53). – С. 107–129. – 1,54 а.л.

7. Долгушин Д. В. Поздняя проза В. А. Жуковского в комитетах цензуры в 1850 году / Д. В. Долгушин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 9 : Филология. – С. 118–122. – 0,45 а.л.

8. Долгушин Д. В. Биография как искомое: случай Г. С. Батенькова / Д. В. Долгушин // Диалог со временем. – 2017. – Вып. 60. – С. 45–68. – 1,58 а.л.

Web of Science:

Dolgushin D. Searching Biography: the Batenkov case / D. Dolgushin // Dialog so vremenem – Dialogue with time. – 2017. – Is. 60. – P. 45–68.

9. Долгушин Д. В. Тема Палестины в творческом диалоге В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя / Д. В. Долгушин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16, № 2 : Филология. – С. 140–145. – 0,55 а.л.

10. Долгушин Д. В. «Мне привиделся сон; Как же весел был он...»: неизвестное стихотворение В. А. Жуковского / Д. В. Долгушин // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 51. – С. 110–129. – DOI: 10.17223/19986645/51/10. – 1 а.л.

Web of Science:

Dolgushin D. V. «I had a dream; It was so cheerful...»: an unknown poem by V. A. Zhukovsky / D. V. Dolgushin // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filologiya – Tomsk state university journal of philology. – 2018. – Vol. 51. – P. 110–129.

11. **Долгушин Д. В.** «Педагогическая поэма» В. А. Жуковского (по неизданным материалам) / Д. В. Долгушин // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 1. – С. 89–106. – DOI: 10.17223/18137083/62/7. – 1,24 а.л.

Web of Science:

Dolgushin D. V. The «Pedagogical poem» of V. Zhukovsky (on unpublished materials) / D. V. Dolgushin // Sibirskii Filologicheskii zhurnal. – 2018. – № 1. – P. 89–106.

12. **Долгушин Д. В.** Секретарь В. А. Жуковского Василий Кальянов / Д. В. Долгушин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2018. – Т. 17, № 2 : Филология. – С. 138–148. – DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-2-138-148. – 1,03 а.л.

13. **Долгушин Д. В.** Россия и революция в историософских интерпретациях В. А. Жуковского и Ф. И. Тютчева / Д. В. Долгушин // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 431. – С. 29–37. – DOI: 10.17223/15617793/431/4. – 1,05 а.л.

Web of Science:

Dolgushin D. V. Russia and the Revolution in the historiosophical interpretation of V. A. Zhukovsky and F. I. Tyutchev / D. V. Dolgushin // Tomsk State University Journal. – 2018. – № 431. – P. 29–37.

14. **Долгушин Д. В.** «Египетская тьма»: книга Премудрости Соломоновой в стихотворном переложении В. А. Жуковского / Д. В. Долгушин // Русская речь. – 2018. – № 6. – С. 12–21. – DOI: 10.31857/S013161170003001-0. – 0,63 а.л.

15. **Долгушин Д. В.** Религиозные традиции в семействе Буниных и их влияние на В. А. Жуковского (1783–1796) / Д. В. Долгушин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18, № 2 : Филология. – С. 126–133. – 0,75 а.л.

Монографии:

16. **Долгушин Д. В.** В. А. Жуковский и И. В. Киреевский. Из истории религиозных исканий русского романтизма : монография / священник Д. В. Долгушин. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 352 с. – (Коммуникативные стратегии культуры). – 21,5 а.л.

17. **Долгушин Д. В.** Притча в творчестве В. А. Жуковского / Д. В. Долгушин // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности : коллективная монография / Е. К. Ромодановская, В. И. Тюпа, Е. Н. Проскурина [и др.]. – Новосибирск, 2014. – С. 252–268. – 1,11 а.л.

Публикации в прочих научных изданиях:

18. **Долгушин Д.** Последняя поэма В. А. Жуковского / священник Д. Долгушин // Филологъ. Журнал общества православной культуры НГУ. – 2000. – № 1. – С. 35–46. – 0,86 а.л.

19. **Долгушин Д.** Пасхальная тема в последнем лирическом цикле Пушкина / священник Д. Долгушин, диакон Д. А. Цыплаков // Сибирская пушкинистика сегодня : сборник научных статей. – Новосибирск, 2000. – С. 98–118. – 0,89 / 0,78 а.л.

20. **Димитрий (Долгушин).** Новый Завет в переводе В. А. Жуковского / священник Димитрий (Долгушин) // Книга и литература в культурном контексте : сборник научных статей, посвященных 35-летию начала археографической работы в Сибири. 1965–2000. – Новосибирск, 2003. – С. 291–298. – 0,38 а.л.

21. **Долгушин Д.** Христианский контекст стихотворения А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд» / священник Д. Долгушин // Родной язык, родное слово : материалы VII Новосибирских Рождественских образовательных чтений. Новосибирск, 08–09 января 2004 г. – Новосибирск, 2004. – С. 58–68. – 0,44 а.л.

22. **Долгушин Д.** В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь: к истории отношений / священник Д. Долгушин // Τέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики) : межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск, 2004. – Вып. 1-й, посвященный 90-летию доктора филологических наук, профессора Новосибирского государственного университета К. А. Тимофеева. – С. 93–105. – 0,68 а.л.

23. **Долгушин Д. В.** Философия в христианской культуре: Византия, Западная Европа, Русь / священник Д. В. Долгушин // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования : материалы Новосибирских Кирилло-Мефодиевских чтений 2001–2006. – Новосибирск, 2006. – С. 67–82. – 0,94 а.л.

24. **Долгушин Д. В.** К вопросу о текстологической основе и стиле перевода В. А. Жуковским книг Нового Завета / Д. В. Долгушин // Τέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики) : межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск, 2006. – Вып. 2, посвященный памяти доктора филологических наук, профессора Новосибирского государственного университета К. А. Тимофеева. – С. 167–185. – 1,13 а.л.

25. **Долгушин Д.** «Просвещать ум свой, беседа с Тобою...» (молитва, составленная В. А. Жуковским) / священник Д. Долгушин // Жуковский и время : сборник статей. – Томск, 2007. – Вып. 4. – С. 282–291. – (Русская классика: исследования и материалы). – 0,56 а.л.

26. **Долгушин Д.** К биографии архимандрита Макария (Глухарева), основателя Алтайской Духовной Миссии / священник Д. Долгушин // Богословский сборник / Новосибирская епархия Русской Православной Церкви. – Новосибирск, 2008. – Вып. 4. – С. 83–107. – 0,99 а.л.

27. **Долгушин Д.** Новый Завет в переводе В. А. Жуковского: история рукописи и публикации / священник Д. Долгушин // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005) : сборник научных статей. – Новосибирск, 2008. – Т. 2. – С. 298–304. – 0,4 а.л.

28. **Долгушин Д. В.** Мировоззренческие основания византийской патристики / Д. В. Долгушин, Д. А. Цыплаков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2009. – Т. 7, вып. 4. – С. 109–115. – 0,75 / 0,57 а.л.

29. **Долгушин Д. В.** «Кончина Жуковского, кончина праведника...» (Кончина Жуковского в свидетельствах протоиерея Иоанна Базарова, Е. А. Жуковской и Х. Х. Рейтерна) / Д. В. Долгушин // Жуковский. Исследования и материалы : сборник научных трудов. – 2010. – Вып. 1. – С. 322–348. – 1,6 а.л.

30. **Долгушин Д.** Литургическая тема в павловском цикле стихотворений В. А. Жуковского / священник Д. Долгушин // Русская литература в литургическом контексте : сборник научных статей. – Кемерово, 2011. – С. 35–48. – 0,78 а.л.

31. **Долгушин Д.** Религиозная интерпретация русской литературы: между доктринологией и персонологией / Д. Долгушин // Toronto Slavic Quarterly. – 2013. – № 44. – С. 322–329. – 0,4 а.л.

на англ. яз:

Dolgushin D. The Religious Interpretation of Russian Literature: Between Doctrinology and Personology / D. Dolgushin // Russian Classical Literature Today: The Challenges / Trials of Messianism and Mass Culture. – Cambridge, 2014. – P. 343–350.

32. **Долгушин Д.** Религиозная литература в круге чтения В. А. Жуковского 1840-х гг. / священник Д. Долгушин // Жуковский: исследования и материалы : сборник научных трудов. – Томск, 2013. – Вып. 2. – С. 204–224. – 1,19 а.л.

33. **Долгушин Д. В.** Миф о королеве Луизе в творчестве В. А. Жуковского / Д. В. Долгушин // Сюжетология и сюжетография. – 2014. – № 2. – С. 108–114. – 0,57 а.л.

34. **Долгушин Д.** Придворный локус и авторефлексия русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в.: Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев / Д. Долгушин // Toronto Slavic Quarterly. – 2015. – № 53. – С. 361–373. – 0,63 а.л.

35. **Долгушин Д. В.** Рукописная традиция в Русской Православной Церкви 1950 – 1970-х гг. (на примере коллекции из архива церкви Всех святых в земле Русской просиявших новосибирского Академгородка) / Д. В. Долгушин // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI в. : сборник научных трудов. – Новосибирск, 2015. – Вып. 33. – С. 469–475. – (Археография и источниковедение Сибири). – 0,4 а.л.

36. **Долгушин Д. В.** Иконическая и словесная интерпретация текста в «Живописной Священной истории» В. А. Жуковского / Д. В. Долгушин // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования : материалы Новосибирских Кирилло-Мефодиевских чтений. – Новосибирск, 2016. – Вып. 3 : 2014–2016 гг. – С. 57–72. – 0,55 а.л.

37. **Долгушин Д. В.** В. А. Жуковский и протоиерей Герасим Павский: у истоков школьного преподавания библейской истории в России / Д. В. Долгушин // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования : материалы Новосибирских Кирилло-Мефодиевских чтений. – Новосибирск, 2016. – Вып. 3 : 2014–2016 гг. – С. 73–95. – 1,19 а.л.

38. **Долгушин Д.** Литературный юбилей как явление русской культуры конца 1830 – начала 1860-х гг.: И. А. Крылов, В. А. Жуковский, Н. И. Греч, П. А. Вяземский / Д. Долгушин //

Класика и канон в руската литература. Юбилеят : сборник текстове. – София, 2016. – С. 192–199. – 0,53 а.л.

39. **Долгушин Д.** Святитель Филарет и Луи Ботен / протоиерей Д. Долгушин // Филаретовский альманах. – 2016. – Вып. 12. – С. 13–22. – 0,6 а.л.

40. **Долгушин Д. В.** В каком переводе цитирует Библию Гоголь? / Д. В. Долгушин // *Universum Humanitarium*. – 2016. – № 1 (2). – С. 142–149. – 0,43 а.л.

на англ. яз:

Dolgushin D. What Bible Translation Does Gogol Quote? / D. Dolgushin // *Universum Humanitarium*. – 2016. – 1 (2). – P. 135–142.

41. **Долгушин Д. В.** Новый Завет в переводе В. А. Жуковского / Д. В. Долгушин // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах. – Москва, 2016. – Т. 11, второй полутом : Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в переводе В. А. Жуковского. – С. 467–517. – 3,51 а.л.

42. **Долгушин Д. В.** В. А. Жуковский – читатель Луи Ботена / Д. В. Долгушин // Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири : материалы международного научного семинара. Томск, 11–15 июня 2015 г. – Москва, 2016. – С. 233–251. – 1,18 а.л.

43. **Долгушин Д.** «Теперь вся жизнь приведена в хаос»: письмо В. А. Жуковского А. П. Елагиной / священник Д. Долгушин // Жуковский: исследования и материалы : сборник научных трудов. – Томск, 2017. – Вып. 3 – С. 454–467. – 0,67 а.л.

44. **Долгушин Д.** Изображенный Эдем: семейный альбом и нравственная философия В. А. Жуковского 1840-х годов / Д. Долгушин // Наше наследие. – 2017. – № 124. – С. 43–47. – 0,73 а.л.

Учебное пособие:

45. **Долгушин Д. В.** Религиозно-философская культура России : учебное пособие для студентов вузов нефилософских специальностей : в 2 ч. / Д. В. Долгушин, Д. А. Цыплаков. – Новосибирск, 2011.

Ч. 1: 333 с. – 20,87 / 20,5 а.л.

Ч. 2: 261 с. – 16,31 / 3,25 а.л.

Примечания к текстам в Полном собрании сочинений и писем В. А. Жуковского:

1. **Долгушин Д. (о. Димитрий)** [Примечания к текстам] / Д. Долгушин (о. Димитрий) // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – Москва, 2009. – Т. 4 : Стихотворные повести и сказки. – С. 531–535, 587–599.

2. **Долгушин Д.** [Преамбула и примечания к текстам] / Д. Долгушин // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – Москва, 2016. – Т. 11, первый полутом : Проза 1810–1840-х годов. – С. 802–809, 813–815, 857–897.

3. **Долгушин Д.** [Примечания к текстам] / священник Д. Долгушин // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – Москва, 2016. – Т. 11, второй полутом : Новый

Завет Господа нашего Иисуса Христа в переводе В. А. Жуковского / Составление, вступительная статья, примечания **Д. В. Долгушина**; подготовка текста Ф. З. Кануновой, И. А. Айзиковой, Д. В. Долгушина; ред. Д. В. Долгушин, А. С. Янушкевич. – С. 518–616.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 6011/19 от «17» июня 2019 г. Тираж 100 экз.
г. Томск Московский тр.8 тел. 53-15-28